

Г. Француз

**ПОДПИСКА
на
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г. третий год издания.
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.**

Цена годовому изданию, двенадцать книж., для больших тома, из которых каждая—на меньше 33 страницы, с особой титул. приложением, не менее 36 листов,—ст. пересыпкой гр. иногородней и с доставкой на дом в Санкт-Петербург и Москву, **восемь рублей**.

Подпись принимается для горожанских подиличиков въ С.-Петербургу—въ Главномъ конторѣ „Европейской Старинѣ“—въ книжномъ магазинѣ Александра Осиповича Балзунова (Невский проспектъ, 30); въ Москве—въ книжномъ магазинѣ Ильи Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексеева.

Иногородные подиличики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію, при этомъ сообщаютъ подробный адресъ со обозначеніемъ: имени, отчества, фамилии и того почтоваго места, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно пріимѣнѣвать журналъ, и буда поглашать обращаться сами за получениемъ книгъ; 2) лично, или чрезъ своихъ комиссаровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для подиличиковъ.

За перептную адресо: городскому на иногороднаго—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «Русская Старина» помѣщается въ С.-Петербургу, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. изъ ж. Трута, кв. № 12.

Въ послѣдующихъ книгахъ «Русской Старинѣ» будуть между прочимъ, напечатаны: Записки Болотова (томъ IV и послѣдній), Лагарова, М. А. Бестужева, Т. П. Паскевича; документы изъ архивовъ кн. Голенищева-Кутузова, кн. Куракинныхъ, гр. Стакельбергъ, кн. Шербатова, сърбъ кн. А. Итальянскаго графа Суворова-Рыминскаго, именно: бумаги относящіеся до ея хѣда, генералиссимуса кн. Суворова; събр. кн. П. М. Волконскаго, кн. С. Г. Волконскаго (1812—1826 гг.), генерал-адм. А. П. Толстаго, адмир. Ноланова, И. И. Горбачевскаго, кн. А. А. Шаховской, записки гр. А. В. Струнина (1775—1861 гг.); бумаги Федорова, кн. А. В. Струнина (1775—1861 гг.); бумаги попеч. Д. П. Румянцева създѣніемъ поселеній И. Н. Соболева, В. И. Никольсбера (1831—1841 гг.); бумаги Федорова, кн. А. В. Струнина (1775—1861 гг.); бумаги попеч. Д. П. Румянцева създѣніемъ поселеній А. В. Струнина (1790—1794 гг.); дневники князя 1818 г. изъ Россіи; записки А. И. Красавовскаго; С. Н. Ганина; К. Ф. Опочинина (о 1831 г.); записки И. В. Веригина и др. Дѣло Вольнского; письма гр. Бестужева-Рюминя, гр. Паниныхъ, Салтыкова-Лицара (1782 г.); письма Екатерины II; письма императора: Павла I, Александра I, письма Константина императора Елизаветы Алексеевны; Троицкаго; гр. Аракчеева, гр. Беннидорфа и Дубича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова; мѣдный гр. Н. С. Мордвинова; и воспоминанія о немъ М. Н. Покхвисова; 60 письмъ митрополита Евгена Болхвовитинова; письманія матери А. С. Грибоѣдова, И. Н. Батюшкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батенкова, Жуковского, Тунскаго, Языкова, Радищева, Пушкина; статьи В. И. Каразина; сообщенія А. В. Бышкова, Я. И. Григорьева, М. И. Погодина, И. К. Шварльского; статьи проф. И. Д. Бѣляева и Н. С. Тихоновскаго; Г. И. Генадія, И. А. Борисова, Е. П. Наринина, П. Д. Волинскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. А. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Делнова, И. И. Панова, Н. С. Селифонова, Ф. К. Опочинина, А. М. Соболева, И. П. Корнилова, И. П. Колакова, И. О. Крузе, гр. Э. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣміскаго; И. П. Липранди, В. А. Красинскаго, А. В. Орфейанга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановица, бар. Б. А. Болера, М. В. Бороздина, и мн. др.

Въ составленіи и изданіи «Русской Старинѣ» принимается постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго, Императорскаго Русскаго Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографической Коммиссіи—**Мих. Ив. Семевскій.**

Годъ третій.

НОЯВРЬ.

СОДЕРЖАНИЕ.

1872 годъ.

I. Алексѣй Петрович Ермоловъ. Воспоминанія М. Н. Покхвиснова	475	рина Прахнова: съ письмами. Сообщ. II. А. Варенскій. Сообщ. III. Уланъ Первъ III ск. Синоптическій спадокъ правосудия 1762 г. (567). 4. Ф. И. де-Линвиль: морской бой со шведами 1790 г. (569). 5. А. Н. Радищевъ: биографіческій очеркъ И. А. Радищева. (573). 6. Кѣи исторіи русской цензуры: а) Распоряженія 1817 и 1835 гг. (582). 6) А. И. Красовскій. (583).
II. Письма А. П. Ермолова къ И. А. Тимашеву. 1817—1832 гг. Сообщ. III. П. Д. Волховскій.	493	7. Аракчеевиція: разсказъ, стихи и письмы его сына. (592). 8. Сѣльскѣй членъ: «Симеон Благодатный», отвѣтъ Н. М. Орлову. (597). 9. К. О. Рыльскій: замѣтки Д. Еропотова. (602).
IV. А. П. Ермоловъ къ П. Н. Ушакову. 1851 г. Сообщ. С. Г. Ушакова.	501	10. Кѣи исторіи Севастопольскаго портога: а) Кн. И. О. Насековичъ. (604). б) Записка имп. Николая I Павловна барону Бревескому. (605).
V. Знакомство съ Ермоловымъ. 1847 г. Сообщ. С. И. Храповицкій.	538	Х. Замѣтки, поправки и дополненія. (606).
VI. Письмо Н. Н. Мурзакова къ А. П. Ермолову: записки главнаго офицера 1855 г. Сообщ. И. А. Павловскій и Л. Н. Павловскія.	539	Х. Библиографіческий листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ). Объявленія.
VII. Воспоминанія доктора И. И. Европеуса о битвѣ военныхъ полковъ 1831 г.	542	
VIII. Листки изъ записной книжки «Русской Старинѣ»: 1. Бутурлинъ и Юшкова, замѣтки Н. Ф. Самаринъ. (559). 2. Царскіе приложения. Записки А. Т. Болотова 1738—1794 г. томъ третій, часть XII, письма 208—215: Бить русскаго дворянства 1782—1785 гг.	547	

Приимѣнѣвъ подписку на «Русскую Старину» изд. 1873 г. (четвертый годъ изданій). Цѣна 8 руб. съ пересыпкой и доставкой.

«Русская Старина» 1870 и 1871 гг. разошлись вполнѣ по подпискѣ. «Русская Старина» 1872 г. (изданіе второе) можно получить всѣ 12-ть книгъ, цѣна 8 руб. съ пересыпкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Большой Садовой, д. № 49—2).
1872.

XI-я книга „Русской Старинѣ“ вышла 1-го ноября.

Библіографіческий листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Русская историческая библиотека, издаваемая Петербургским археографическим комитетомъ. Т. I. Спб., 1872, 8°, 2 иен., XIII и 846 страницъ. Ц. 2 р.

Въ концѣ 1869 года здѣшня археографическая комиссия обратила вниманіе на рукописи Императорской Публичной Библиотеки и главнаго штаба иностранныхъ воинъ, находившихся въ архивахъ западной Россіи и объединенныхъ ея генералиами. Годы Московской и Польской, и собрана доста-точное количество цѣннаго материала, который и решено было издавать подъ на-зывомъ: «Русская Историческая Библиотека».

Въ первый томъ, изданный нами, извѣстныя учеными М. О. Кошевинымъ вошли: 1) отрывки дневника польского сейма 1605 года, относящиеся къ Смутному времени; 2) дневники событий (1603—1613), извѣстный подъ именемъ истории ложного Дмитрия; 3) поход Димитрия съ мозговицами въ Москву; 4) поход Сигизмунда III въ Россію (1609—1610); 5) отрывки дневника о войнѣ царя Михаила Федоровича съ польскимъ королемъ Владиславомъ IV (1632—1634). Хотя эти материалы уже известны напечатаннымъ, но археографическая комиссия совершенно спра-ведливо полагаетъ, что вѣнъ замѣчательные памятники и материалы, имѣющіе значеніе первоисточниковъ, открываемые и изучаемые нами учеными, должны быть изда-ваемы, ибо трудно, почти невозможно быть учащимъ и приводить изъздѣдователя, работающаго по рукописямъ, доступъ къ которымъ для другого можетъ быть закрытъ по различнѣю обстоятельствамъ, напримеръ по звѣти жандарма и т. д.

Памятники, вошедшия въ составъ первого тома: «Русской Исторической Библиотеки», снабжены русскими переводами, чтобы вѣсмо ясно для лицъ, неизвестныхъ или малоизвестныхъ съ языкомъ польскимъ. На нашъ взглядъ: было бы менѣе обременительно для издателя и успѣшиѣ для фала (т. е. томъ могъ бы выйтъ изъ печати польскими жеъздицами раньше), еслибы, нѣмѣсто переводовъ, приводилось обсто-тельное, подробное содержаніе памятника: мы вполнѣ убѣждены, что почтенный из-датель и комиссія согласятся съ нашимъ мнѣніемъ.

Къ тому приложены: примѣчанія, хро-нологический указатель, списокъ находящих-ся въ томъ документовъ, указатель лицъ и мѣстъ.

Архивъ Юго-Западной Руси. Часть первая. Томъ четвертый. Кіевъ, 1881, 8°, 4 иен., 100 и 747 стр. Ц. 2 р.

Кіевская археографическая комиссія, занянная, благодаря своимъ прекраснымъ и многимъ трудамъ, стоять высокое мѣсто

между однородными комиссіями, начер-тала для себя, съ 1859 года, новыя планы работы. Эта новая серия изданій называется: «Архивъ Юго-Западной Россіи», котораго доселе издано одиннадцать томовъ, и еще въ напечатанномъ буде издается два или три тома. Всю эту серію распредѣляется на пѣщадько самоногописныхъ частей; въ каждой части слѣдуетъ томовъ, отдельный. Документы каждой части располагаются въ строго хронологическомъ порядке и заѣтъ дѣлается на томы, изъ которыхъ каждому предшествуетъ обстоятельное, ученое из-слѣдованіе и указатель. Начатыя комиссіею части распредѣляются такъ: I—исторія православной церкви и юдіакской (4 т.); II—сеймы и сеймикы (1 т.); III—казаки (2 т.); IV—шляхетские роды (1 т.); V—города (1 т.); VI—крестильные (2-й т., 1-й еще напечат.). Кроме этихъ частей, еще не оконченныхъ, комиссію обѣщаны следующіи: войны, судъ, государственная экономія, жижи. Комиссія состоить изъ трехъ лицъ: предсѣдателя М. В. Юсе-вича и двухъ членовъ: профессора уни-верситета В. Б. Антоновича и К. Е. Род-лохія-Козловскаго, первые труды котораго по комиссіи выйдутъ, какъ мы съм-шали, въ этомъ мѣсяцѣ.

Четвертый томъ первой части, изданный подъ редакціей талантливаго юридаго ученика В. Б. Антоновича, содержитъ въ се-бе 239 документовъ, относящихъся къ исторіи узаковъ и состоянию православной церкви въ половина XVII вѣка (1648—1798). Мы называемъ събраніе одно только замѣчательное, объ указателе: 1) оно хотѣ и половина, но черезъ-чуръ горя: почти сорѣнъ нераскрытыи искр; 2) указатель лежитъ напечатанъ оди-нѣю склонными криптическими пріестомъ, во всю страницу; данными-давно принятой употребляемы для текста указателя мелкій пріестъ, а для названій такъ-называемыхъ жириныхъ, самыи указателъ всегда печатается въ два столбца, а иногда (иногда) даже въ три; 3) определительно отсутствіе предметнаго указателя.

Архивъ правительствующаго сената. Томъ I. Составилъ П. Барановъ. Спб., Сен. Тип., 1872, 8°, XXXI и 167 стр. Въ петербургскомъ сенатскомъ архивѣ хранится дѣль и документъ — всего 3,613,808 номеровъ; изъ нихъ выдѣляются, по своей важности, именные высочайшіе указы повседѣйнія съ 1704 по 1865 гг. (121, 240) и указы и протоколы верховнаго тайного совета съ 1726 по 1730 г. (2897). Изъ сличеній такъ-называемаго «Полного Собрания Законовъ», въ которое должны были вйти всѣ высочайшіе указы и повсѣдѣйнія, съ материаломъ, хранящимся въ петербургскомъ сенатскомъ

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

(По поводу помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» матеріаловъ, подъ заглавіемъ: «Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ»).

Помѣщенный въ «Русской Старинѣ», за текущій годъ, рядъ матеріаловъ подъ заглавіемъ: «Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ», исключительно состоящихъ изъ официальныхъ донесеній и писемъ трехъ названныхъ лицъ, — значительно разъясняетъ одинъ изъ интересныхъ эпизодовъ нашей новѣйшей исторіи. Обстоятельства, при которыхъ открылась персидская кампанія 1826 года, назначеніе Паскевича въ помощь Ермолову по военной части, возникшія между этими генералами неудовольствія, поѣзда въ Грэю начальника главнаго штаба барона Дибича, съ обширными полномочіями, для разслѣданія истиннаго положенія дѣлъ и принятія мѣръ къ точному исполненію высочайшихъ предна-значеній, за тѣмъ увольненіе Ермолова и замѣщеніе его Паске-вичемъ, — всѣ эти события, полны исторического интереса какъ по своей сущности, такъ и по участію въ нихъ трехъ замѣчательныхъ дѣятелей эпохи императора Александра и его преемника, до послѣдняго времени были покрыты пѣкоторою таинственностью, и нѣрѣко служили предметомъ самыхъ противорѣчивыхъ толковъ и сужденій. Статья г. Погодина о Ермоловѣ въ «Русскомъ Вѣстнѣ» за 1863 и 1864 годы, и напечатанный въ «Чтѣніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1867—1868 годовъ донесенія генерала Ермолова императорамъ Александру и Николаю, равно переписка его съ управлявшимъ министерствомъ иностраннѣхъ дѣлъ графомъ Нессельроде, впервые ознакомили русскую публику съ одною стороны этихъ со-

быть. Другая сторона уясняется напечатанными нынѣ въ «Русской Старинѣ» письмами и донесениями Паскевича и Дибича. Благодаря этимъ документамъ, мы имѣемъ теперь возможность составить себѣ довольно яркое понятіе объ истинномъ положеніи дѣла на нашей кавказской окраинѣ при вocationи императора Николая, о характерѣ и образѣ дѣйствій трехъ главныхъ дѣятелей въ этомъ краѣ, наконецъ, о той коллизіи, которая возникла между тогдашнимъ знаменитымъ правителемъ Грузіи и его счастливымъ противникомъ — коллизіи, которая усложнилась еще болѣе съ прибытіемъ треть资料 лица, уполномоченного для принятия мѣръ въ прекращеніи этой распри и для раскрытия истины, но, по нашему мнѣнію, не вполнѣ беспристрастно исполнившаго возложенное на него порученіе.

Въ нашемъ обществѣ, где Ермоловъ пользуется огромной популярностью, нерѣдко слышны отзывы, превозносящіе его на счетъ Паскевича. Мы не признаемъ этихъ отзывовъ вполнѣ справедливыми. Военные заслуги послѣднаго несомнѣнны: онъ за свидѣтельствованы цѣльнымъ рядомъ блестательныхъ успѣховъ на поляхъ Персии, Турции и Польши. Скажемъ болѣе: самъ Ермоловъ съ отчайной стороны отзылся о Паскевичѣ, какъ о репомъ человѣкѣ¹⁾. Намъ даже известно, что, въ предѣлѣніи неизбѣжности войны съ Персию и Турцией испрашивая, у всударя Александра Павловича усиленіе войскъ кавказского корпуса и присыпки къ нему опытныхъ генераловъ, онъ, между прочимъ, указывалъ на генерала Паскевича. Но, при всемъ нашемъ уваженіи къ военнымъ достоинствамъ князя Варшавскаго и графа Забаланскаго, мы не можемъ не сказать, что величайшіе образы Алексѣя Петровича Ермолова, — какъ они сложились и живѣтъ въ памяти русскихъ людей, — не только не теряютъ, а еще рефлектируютъ отъ сопоставленія его съ двумя его соперниками. Мы, кажется, не безъ основанія можемъ отнести и генерала Дибича къ числу его соперниковъ, судя по тому образу дѣйствій, котораго онъ держалъ на своемъ посредничествѣ между главными начальниками кавказскаго края и его помощникомъ. Да, мы постараемся ближе разъяснить нашу мысль въ этомъ отношеніи.

¹⁾ См. Записки Ермолова, изд. Н. П. Ермолова, Москва, 1863 г., стр. 243 и 253.

М. П.

На основаніи вышеуказанныхъ документовъ и не менѣе вѣрныхъ свѣдѣній, добѣгшихъ нами изъ другихъ источниковъ, мы имѣемъ полное право утверждать, что тѣ тяжкія обвиненія, которыя были взвѣдены на Ермолова, лишены основанія и происходили частію отъ его недоброжелателей, — а ихъ у него, какъ у необыкновеннаго человѣка, по особымъ свойствамъ его ума и характера, было не малое число, — частію же отъ особаго стеченія неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ, возбудившихъ противъ него предубѣждѣніе, какъ противъ опаснаго честолюбца, злоупотреблявшаго свою властью и изъ личныхъ видовъ, способствовавшаго къ разрыву нашему съ Персию. Чтобы доказать неосновательность этихъ обвиненій и разъяснить, какимъ образомъ могло составиться такое предубѣждѣніе, считаемъ нужнымъ бросить быстрый взглядъ на служебное поприще Ермолова и войти въ нѣкоторыя подробности о личныхъ его свойствахъ, къ чему мы имѣемъ нѣкоторую возможность, благодаря находящемуся въ нашихъ рукахъ не малому числу документовъ¹⁾ и личнымъ родственнымъ отношениямъ, нашимъ къ Алексѣю Петровичу. При этомъ мы, конечно, не дадимъ себѣ труда опровергать тѣ недостойные доносы, которые обвиняли его въ распущенности кавказскихъ войскъ, въ неблагонадежности кавказскихъ генераловъ, въ какихъ-то никогда недоказанныхъ значительныхъ упущеніяхъ по гражданской части и даже едва-ли не въ вольнодумствѣ. Неосновательность этихъ обвиненій, въ настоящее время, слишкомъ очевидна. Скажемъ одно: съ этими распущенными войсками, съ этими генералами, каковы были Вельяминовъ, князь Мадатовъ, Красовскій, Муральевъ и др. Паскевичъ выигралъ всѣ свои баталии въ Персии и Азіатской Турціи²⁾; что же касается до обви-

¹⁾ Старший братъ пишущаго эти строки по окончаніи курса ученья въ московскомъ университетскомъ пансионѣ, поступилъ на службу въ канцелярію А. П. Ермолова и посѣдѣніе года управлѣнія его Грузію, находился при немъ въ качествѣ ближайшаго доѣзднаго чиновника. Неограничено преданный Алексѣю Петровичу, онъ выѣхѣлъ съ нимъ, выѣхѣлъ изъ Грузіи. Послѣ смерти его осталось множество бумагъ и вѣрныхъ списковъ съ подлинными бумагами, относящихся до служебной дѣятельности Алексѣя Петровича. Извѣстория изъ этихъ бумагъ, какъ материалы для характеристики Ермолова, мы передадѣемъ въ распоряженіе редакціи «Русской Старинѣ». М. П.

²⁾ Д. В. Давыдовъ въ своихъ запискахъ приводитъ слова Дибича, сказанные имъ, по возвращеніи изъ Грузіи, генералу Сабанѣеву: «Я напечаталъ тамъ

31*

главнокомандующими, изъ коихъ одинъ былъ старше въ чинѣ, а другой считалъ себя старшимъ по званію военнаго министра. Съ прибытіемъ Кутузова, положеніе Ермолова въ главной квартирѣ, нѣкогда ступеневалось: на первый планъ выступаютъ любимицы старого князя Коновницкаго и Толы. Но и въ это время Кутузовъ, имѣвшій въ рукахъ своихъ переписку Ермолова съ государствомъ, и потому не единожды приближившій его къ себѣ, постоянно употреблялъ его во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ и подъ Бородинскимъ, где кровью своею запечатлѣлъ Ермоловъ памятный, въ военныхъ лѣтописяхъ, геройскій подвигъ отбитія у французовъ нашего центральнаго редута, и подъ Тарутинскимъ, и подъ Малоярославцемъ, и подъ Базылью, и подъ Краснымъ, всегда называя его: «Голубчикъ, Алексѣй Петровичъ», и свою медлительность нерѣдко выводя его изъ терпѣнія. Въ головѣ особаго отряда, преслѣдуя по пятамъ бѣгущаго пепѣрѣтеля, оканчивается Ермоловъ достопамятную войну 1812 года. При открытии загражднической кампіи 1813 года, онъ уже назначился артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ армій, и послѣ Люценскаго дѣла, вѣѣствие несправедливо взвѣденаго на него, какъ утверждаютъ свѣдѣнія люди, обвиненія въ недостаткѣ снарядовъ, временно внашаетъ какъ бы въ немилость и остается безъ команды до самаго Кульмскаго боя, где, начальствуя нашимъ славнымъ гвардіею, вмѣстѣ съ Остерманомъ геройски отражаютъ натискъ превосходнаго силами непріятеля, тѣмъ временемъ даютъ возможность союзнымъ арміямъ, разбитымъ подъ Дрезденомъ, спуститься съ Богемскихъ горъ и довершить пораженіе Вандамова корпуса. При мирѣ съ государемъ и Александрівской лентой были награды за Кульмъ. Наполеоновскія войны Ермоловъ блестательно заканчиваются подъ стѣнами Парижа, при взятии которого командауетъ русскою и прусскою гвардіею. Парижу обязанъ онъ вторымъ Георгиемъ со звѣздой, который съ своей груди надѣвается на него десаревичъ Константинъ Павловичъ¹⁾. По изложении Наполеона, Ермолову поручается въ командование 80-ти-тысячнаго обсервационнаго корпуса на границахъ Австріи, а затѣмъ, въ 1817 году, онъ назначается главноуправляющимъ Грузіею и командиромъ

¹⁾ Слышано отъ самого Алексѣя Петровича.

М. П.

неній по гражданской части, то самъ Дибичъ, при видимости его неблагосклонности къ Ермолову, признавалъ ихъ неосновательными и не могъ не заявить при этомъ случаѣ о заслугахъ его по управлѣнію Грузіею.

Государь Александръ Павловичъ имѣлъ къ Ермолову особое благоволеніе и довѣріе. Замѣтилъ его умъ и дарованія, государь постоянно отличалъ его. Ему позволялось многое: и смѣлое, правдивое слово и смѣлое дѣло, что не всегда простилось бы другимъ. Видимо государь дорожилъ имъ, какъ собственнымъ своимъ выборомъ и предназначалъ его къ высшимъ званіямъ. Дѣйствительно, Ермоловъ, почти отъ полковничаго чина, всѣми своими назначеніями былъ непосредственно обязанъ самому государю¹⁾. Такъ передъ началомъ отечественной войны онъ, противъ собственного желанія, по волѣ государя, переводится изъ арміи въ гвардію, сначала бригаднымъ командромъ, а затѣмъ вскорѣ получаетъ назначеніе начальника гвардейской дивизіи. Въ минуту грозного нашествія Наполеона, когда требовалась необыкновенная усилия и энергичные люди, онъ, молодой, малозвестный генералъ, назначается начальникомъ главнаго штаба въ арміи Барклая, въпреки вѣтѣнаго графа Аракчеева, рекомендованаго Тучкова. Въ этомъ званіи, въ самый разгаръ войны, онъ дѣлаетъ съ Барклаемъ труды и опасности славного отступленія нашего отъ Дриссы до Смоленска, своими распоряженіями много способствуетъ достижению тогдашней высшей цѣли нашихъ военныхъ дѣйствій: соединенію 1-й и 2-й армій. Во все это время онъ, съ особаго разрѣшенія, непосредственно доноситъ государю о положеніи дѣла, настоятельно проситъ о назначеніи одного главнокомандующаго арміями; при этомъ всѣ его симпатіи на сторонѣ князя Багратиона. По соединеніи армій, при антигонізмѣ Барклая и Багратиона, пользуясь офиціальной близостью къ первому и сердечною близостью ко второму, онъ, къ чести своей, постоянно употребляетъ всѣ усилия для поддерханія возможнаго согласія между обоими

войска, одушевленныя духомъ Екатерининскаго и Суворовскаго²⁾. Такого отзыва въ донесеніяхъ Дибича мы, однако, не находимъ. М. П.

¹⁾ Когда, въ началѣ 1812 года, Ермоловъ просилъ о переводе его въ Молдавскую армію, государь приказалъ сказать ему, что впередѣ назначенія его по службѣ будуть зависѣть отъ самого государя и что онъ ни въ комъ нуженъ не имѣтъ. (См. Записки Ермолова. Ч. I, стр. 113, изд. Н. П. Ермолова). М. П.

отдельного кавказского корпуса, при чём на него, въ качествѣ чрезвычайного посла, возлагается дипломатическое поручение въ Персию. Цѣль этого посольства — приведеніе къ окончанію возникшій у насъ съ персидскимъ правительствомъ, недоразумѣній и споровъ о границахъ, всѣдѣствѣ сѣбланыхъ наимъ, по гюлистанскому трактату пріобрѣтеній. Веденный имъ журналь посольства въ Персию навсегда останется памятникомъ его ума, твердости и достоинства, съ коими онъ умѣлъ выполнить обязанности представителя великой державы при восточномъ дворѣ и той остроумной наблюдательности, того своеобразного изложенія, которое ставитъ его въ число замѣчательныхъ русскихъ писателей. Дѣвятнадцатое управление Грузией обнаружило въ немъ высшую способность администратора и государственного человека. Проложеніе черезъ Кавказскій хребетъ военно-грузинской дороги, этого, по выраженію Бестужева-Марлинскаго, Ермоловскаго Симона, сооруженіе рукою военно-рабочихъ по отзыву Дубича, лучшихъ новыхъ зданій въ Тифлисѣ, возведеніе благосостоянія края поощреніемъ торговли и промышленности, перенесеніе Кавказской линии въ болѣе здоровую и удобную мѣстность, образованіе кавказской области, открытие для европейской торговли транзитного пути черезъ наши закавказскія владѣнія; устройство кавказскихъ минеральныхъ водъ, строгое преслѣдованіе казнокрадства и чиновничихъ злоупотребленій, привлеченіе на службу даровитыхъ молодыхъ людей, которыхъ всецѣло покорили его обаятельному вліянію несмотря на его разечистость и даже склонность на награды, — вотъ его гражданскіе подвиги. Грозные походы въ горы для наказанія хищническихъ набѣговъ, для постройки крѣпостей и проложенія дорогъ, до нихъ живутъ въ память обитателей Кавказа. Съ незначительными силами, страхомъ своего имени, держалъ онъ въ покорности еще непокорившіяся намъ племена. Въ доказательство, какъ высоко цѣнилъ государь военные способности Ермолова, мы припомнимъ, что въ 1821 году, когда въ Италии вспыхнуло революционное движение и на Лайбахскомъ конгрессѣ рѣшено было, для подавленія восстанія, вынужнутъ соединеніемъ австро-руссіи войска, государь вызвалъ Ермолова въ Лайбахъ, для назначенія его главнокомандующимъ этимъ арміемъ. Въ проѣздъ его черезъ Петербургъ въ Лайбахъ, графъ Аракчеевъ, по порученію государя, вручилъ ему

Владимирскую ленту¹⁾. Вмѣсть съ управлениемъ Грузией, по особому довѣрію государя, на Ермолова возложено было веденіе дипломатическихъ сношеній и переговоровъ по дѣлу о границахъ съ персидскимъ правительствомъ. Изучивъ на мѣстѣ, во время посольства своего въ Персию и затѣмъ пребыванія въ Грузіи, положеніе дѣла и свойства правителей Персіи и вообще характеръ соѣдѣстvenныхъ съ нами восточныхъ народовъ, Ермоловъ зорко сѣдила за всѣми дѣйствіями персидской политики и решительно оберегалъ интересы Россіи. Съ персидской стороны веденіе дипломатическихъ сношеній съ русскимъ правительствомъ, возложено было шахомъ на любимаго его сына Аббаса-Мирзы, самонадѣянаго и честолюбиваго, мечтавшаго о возможности вознагражденія за тѣ потери, которыми понесло его отечество въ послѣднюю войну съ Россіею (1812 г.). Постигнувъ свойства и намѣрѣнія этого принца, который, съ непріязненіемъ для насъ цѣлями, умножалъ войска и

¹⁾ Приѣхавъ въ Петербургъ, Алексѣй Петровичъ заболѣлъ или сказался больнымъ, но только весеній тогда графъ Алексѣй Андреевичъ долженъ былъ первый приѣхать къ нему для передачи по приказанію государя, царской награды и другихъ словесныхъ порушеній.

Въ это же время Ермоловъ прѣѣхалъ черезъ Варшаву, где цесаревичъ Константина Палловичъ, имѣвъ особую къ нему пріязнь, приготовилъ ему почтительную встречу. Алексѣй Петровичъ, прѣзъ всякихъ перемоний, отѣзжалъ отъ этой встречи весьма оригинальнымъ образомъ. На послѣдней передъ Варшавою станіи онъ окидывалъ экипажъ. Ермоловъ говорилъ Канкрина отправляться въ приготовленіи для него влажѣтъ, а самъ вѣзъ въ экипажъ великаго князя. На ту пору у проѣзжавшаго въ Варшаву генерала-интенданта Канкрина самомъ экипажъ. Ермоловъ говорилъ Канкрина отправляться въ приготовленіи для него влажѣтъ, а самъ вѣзъ въ экипажъ великаго князя, въ тележкѣ. Канкрина, ничего не подозревавшаго, приѣхалъ въ Варшаву быть привѣтѣнъ съ почестями, которыми предназначалась для Ермолова. Вообще, во времъ гогданио пребыванія своего въ Варшавѣ, Алексѣй Петровичъ, пользуясь особыми милостями цесаревича, позволялъ себѣ разныя проказы. Расскажемъ слышанные нами отъ современниковъ два случая, не рукаясь за ихъ достовѣрность.

Цесаревичъ показывалъ Ермолову свою польскую гвардію. Вызвавъ изъ строя молодца-grenадера, онъ особенно вихалъ ловкость, выправку лідей и ихъ обмунировку. Ермоловъ былъ отъ всего въ восхищении, а между тѣмъ обронилъ свой плащъ и попросилъ grenадера поднять его. Бѣлый гвардеецъ, при гогдании обнаженной формѣ, безъ особыхъ усилий не могъ этого исполнить. Великий князь нахмурился, но скрылъ свою досаду. Въ доказательство его неудовольствія, когда онъ показывалъ Ермолову Варшаву, послѣдний въ присутствіи польскихъ генераловъ началъ рассказывать о Суворовскомъ штурмѣ Праги, въ которомъ, какъ известно, самъ участвовалъ. Все это было прічиною размолвики цесаревича съ Ермоловымъ. Вносясь въ эти приложенія Але-
ксѣя Петровича.

М. П.

поддерживалъ тайныя связи съ подвластными намъ мусульманскими народами, возбуждая ихъ къ непокорности, Ермоловъ не могъ оставаться равнодушнымъ ко всѣмъ извращамъ двуличной персидской политики. Онъ постоянно обличалъ персію и доводилъ до свѣдѣнія государи и нашего министерства иностраннѣнъ дѣлъ обѣихъ замѣслахъ, предсказывалъ неизбѣжность войны съ Персию и съ Портго. Къ несчастію, взгляды его на восточномъ дѣлѣ расходились съ возвѣрѣнными министра иностраннѣнъ дѣлъ графа Нессельроѣ, и это послужило поводомъ къ личнымъ между ними неудовольствіямъ, которые впослѣдствіи, конечно, имѣли значительную долю вліянія въ дѣлѣ удаленія Ермолова изъ Грузіи. Обширная переписка его съ графомъ Нессельроѣ служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ ярко понималъ онъ интересы Россіи и вообще положеніе дѣлъ на востокѣ. Государь Александръ Павловичъ, послѣ усиленной борьбы съ Наполеономъ, утомленный величествомъ и славою, въ послѣдніе годы своего царствованія какъ-будто искалъ покоя отъ земныхъ тревогъ, и главною цѣлью своей политики поставлялъ сохраненіе мира до послѣдней крайности. Въ этомъ смыслѣ Ермоловъ постоянно получалъ наставленія, поддерживать всѣми силами дружественныхъ сношеній съ Персию и во извѣжданіе разрыва, который, впрочемъ, наше министерство признавало неизѣроятнымъ, дѣлать всевозможныя уступки. Исполняя волю государя, онъ обнаружилъ полную готовности, къ прекращенію затянувшагося спора о границахъ и предложилъ значительную уступку изъ земли, которая сѣдовала намъ по смыслу трактата, но персидское правительство, изъ-подъ руки подстрекаемое англичанами, этимъ неудовольствіемъ уступки вызывали новые требованія и претензіи. Ермоловъ, въ виду умноженія персидскихъ войскъ на нашихъ границахъ и неминуемости разрыва, не переставалъ настоятельно требовать усиленія кавказскихъ войскъ. Ему не давали вѣры и падѣли предписаніями, сохранять признанные отношенія, несмотря на возрастающую наглость персіи. Среди этихъ-то падѣлихъ отношеній нашихъ съ Персию, пострадала кончина императора Александра Павловича. Новый императоръ, одушевленный желаніемъ сохраненія мира, тотчасъ по вступленіи на престолъ, подтвердилъ Ермолову о необходимости прекращенія разрыва съ Персию путемъ миролюбиваго соглашенія и, съ этого

цѣлію, возложилъ на генерала князя Менишникова дипломатическое порученіе къ шаху. Но въ то время, какъ князь Менишниковъ трактовалъ о границахъ, персидская войска вторглись въ наши предѣлы, не объявляя намъ войны. Предсказанія Ермолова сбылись. По несчастію онъ не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобы тотчасъ же отразить превосходящіе силы персіи. Къ этому присоединились неудачи нѣкоторыхъ изъ пограничныхъ нашихъ частныхъ начальниковъ, подвергшихъ падѣнію. Внутри Грузіи и на Кавказѣ возникновали мусульманскіе племена. Извѣстія объ этихъ событияхъ возбудили сильное неудовольствіе въ Петербургѣ. Отъ Ермолова были потребованы рѣшительныя дѣйствія, но онъ не могъ предпринять ихъ, не имѣя подъ рукою достаточнаго войска. Между тѣмъ разрывъ съ Персию недоброжелатели Ермолова постарались истолковать, какъ послѣдствіе неуступчивости его въ сношеніяхъ по дѣлу о границахъ и даже личныхъ замѣслахъ его честолюбія. Еще въ ранніе сего, нѣкоторое промедленіе въ доставленіи донесеній о присененіи войсками кавказскаго корпуса присѣть, промедленіе, легко объяснимое отдаленностью края и разбросанностью отдаленныхъ частей войска, враги его готовы были истолковывать самимъ недостойнымъ образомъ. Вътъ начало того прискорѣнаго предубѣжденія, которое составилось противъ Ермолова и которое, въ связи съ другими неблагопріятными обстоятельствами, впослѣдствіи повлекло за собою удаленіе его съ поприща государственной службы, лишивъ, такимъ образомъ, и государя, и отечество одного изъ замѣчательныхъ и преданныхъ имъ слугъ. Просматривая со вниманіемъ переписку Алексѣя Петровича по персидскимъ дѣламъ и донесенія его государю, приходишь къ убѣждѣнію, что если можно обвинить его, то единственно въ слишкомъ прямодушии, въ слишкомъ твердомъ образѣ дѣйствій, но уже, конечно, не въ недостаткѣ предусмотрительности и тѣмъ менѣе въ умышленномъ нарушеніи воли государя. Причины войны съ Персию и то положеніе, въ которое былъ поставленъ Ермоловъ дѣйствіями нашего министерства, разъяснены со особенной силой и убѣдительностью, въ замѣчательномъ донесеніи его императору Николаю, отъ 30-го июля 1826 года¹⁾. Въ донесеніи томъ, оправдывающей себя въ глазахъ нового своего государя, онъ, со свойственою ему откро-

¹⁾ См. «Записки Ермолова» въ Приложеніяхъ къ II части, стр. 257, изд. М. П. Ермолова.

венностию, излагаетъ какъ свои собственныя дѣйствія, такъ и дѣйствія министерства по отношенію къ персидскимъ дѣламъ. Мы не имѣемъ причинъ сомнѣваться въ правдивости этого слова. Впрочемъ, и самъ графъ Нессельроде, и самъ Паскевичъ вначалѣ по малому знакомству его съ мѣстными дѣлами, обвинявший Ермолова въ побужденіи войны, впослѣдствіи измѣнилъ свой образъ мыслей объ этомъ предметѣ. Такъ Нессельроде, по поводу убѣзенія Грибоѣдова, писала Паскевичу отъ 18-го марта 1828 года, что прискоробное происшествіе это должно быть приписано, между прочимъ, «извѣстному фанатизму и необразованности тегеранскої черчи, которая одна вынудила шаха въ 1826 году начать съ нами войну». Истиныя причины персидской войны, по нашему мнѣнію, всего основательнѣе объяснены въ интересной статьѣ г. Берже о смерти Грибоѣдова¹⁾. Въ ней сказано: «англійская политика, всемѣрою сохранившая въ интересахъ индійской компаніи, добре согласна съ Персією, изъ-подъ руки старалась поддерживать непріязненное настроеніе этой державы къ Россіи. Въ 1820-хъ годахъ, быстро развиившись транзитная европейская торговля черезъ наши здѣсь кавказскіи владѣнія съ Персією, до того втревожила сент-джемсскій кабинетъ, что онъ для окончательного уничтоженія съ однѣмъ разомъ, вовсе не Персію въ открытую войну съ нами».

Но возвращаемся къ Ермолову. Въ виду неудовлетворительныхъ извѣстій изъ Грузіи, государь, дотолѣ постоянно выражавший ему милостивое благоволеніе, выказалъ ему свое неудовольствіе. Попытка было усилить войска кавказскаго корпуса, а генераль-адъютанту Паскевичу немедленно Ѳхать въ Грузію, въ помощь Ермолову, съ разрешеніемъ доносить обо всемъ пріамъ государю. Съ самаго призыва въ Грузію, Паскевичъ поставилъ себѣ въ не-пріязненномъ отношеніи къ Ермолову. Увлекаемый извѣстіемъ усердія, онъ сталъ разыскивать какъ-то злоупотребленія по всѣмъ частямъ управлѣнія, громко и неосторожно заявлять свои мнѣнія о замѣчаемыхъ имъ недостаткахъ и упущеніяхъ, и въ сожалѣнію, мнѣнія свои часто основывалъ на сѣрѣльныхъ, которыхъ со-бралъ посредствомъ такихъ сомнительныхъ личностей, каковы были Карганировъ и ему подобные. Самъ Дибичъ въ донесеніяхъ своихъ говорить о чрезмѣрной чувствительности генерала Паске-

¹⁾ «Русская Старина» 1872 г., т. VI, стр. 190.

обѣ увольненіи, при недостаткѣ довѣрности къ нему, предла-гаетъ эту мѣру, какъ согласную съ общеною пользою. Между тѣмъ Дибичъ продолжаетъ доносить о дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ, для чего находитъ необходимымъ продлить свое пребываніе въ Грузіи, какъ-будто, въ самомъ дѣлѣ, ни Ермоловъ, ни Паскевичъ не могли бы распорядиться безъ его указаній и содѣйствій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не перестаетъ заявлять о необходимости назначенія нового главнокомандующаго, при чемъ однажды рекомендуется не Паскевичу, выражаясь такъ: «желательно, чтобы посредственное (т.-е. Ермоловъ) было замѣнено лучшимъ (т.-е. не Паскевичемъ)». Въ отвѣтъ на свои представленія, онъ, нач-ко-пѣтъ, получаетъ рѣшительное повѣтѣніе, въ случаѣ, если не произошло особой перемѣны въ положеніи дѣлъ, немедленно объ-звать Ермолову высочайшую волю объ его увольненіи и о назначеніи на его мѣсто генерала Паскевича, что онъ и исполняется 29-го марта 1827 года. Таково было результатъ миссіи Дибича.

Обсужденіе его образа дѣйствій, невольно задаетъ себѣ вопросъ: чѣмъ побуждало его поступать такимъ образомъ? Поддергивая въ маслахъ государя сомнѣніе насчетъ способностей начальника края и его помощника, поступалъ ли онъ, въ тогдашихъ сер-зинъхъ обстоятельствахъ, искренно и чистосердечно, повинувшись единственно совѣстливому исполненію долга, или тутъ имѣли мѣсто побужденія другого рода? Понятно, что онъ могъ еще со-мѣщаться въ способностяхъ генерала Паскевича, до того времени не управлявшаго отдѣльно гражданской частью и не началь-ствовавшаго арміею. Но какъ объяснить себѣ мнѣніе его о Ермоловѣ, которому онъ отказывалъ даже въ необходимыхъ для военнаго человека качествахъ, отъ котораго не ожидалъ блестя-тельныхъ дѣйствій? Не могъ же быть ему неизвѣстнымъ мудрый правитель Грузіи, герой Валутина, Бородина, Кульма, Парижа? генералъ, съ которымъ вмѣстѣ служилъ онъ и въ отечественную, и въ заграничную войны? Неужели и въ отношеніи къ нему онъ былъ искрененъ и не покривилъ душою? Мы позволимъ себѣ въ томъ сомнѣваться.

Нѣкоторые изъ его современниковъ, близко стоявшіе къ дѣлѣ, предполагали (судя по перепискѣ Дибича, такое предположе-ніе допустить возможно) что онъ дѣйствовалъ такъ, не безъ личнаго расчета, что онъ былъ не чуждъ желанія занять самому

вича и излишней довѣрчивости его къ недостойнымъ ея людямъ. Оскорблѣнныи Ермоловъ не оставался въ долгу, а услужливые люди еще болѣе раздували вражду. Донесенія Паскевича усиливали неудовольствіе на Ермолова въ Петербургѣ. Рѣшено было послать Дибича, чтобы положить конецъ этой распри, неудобной при тогдашихъ обстоятельствахъ и принять мѣры къ успѣши-нымъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ персіянъ, съ уполномочіемъ обильвіи Ермолову, если это окажется необходимоымъ: высочайшую волю объ отозваніи его изъ Грузіи. Напрасно Ермоловъ радовался приѣзу Дибича, ожидалъ отъ него облегченія въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Вмѣсто того, чтобы снять съ Ермолова, которого онъ не могъ не знать, введеніемъ на него обвиненія и совершенно очистить его въ глазахъ государя, желавшаго знать одну правду, Дибичъ началъ едва не формально надѣять сѣдѣцтвіе, подвергая его оскорбительнымъ допросамъ, и принявъ систему разсправливанія, со-биранія сѣдѣцтвій о дѣйствіяхъ и управлѣніи Ермолова. Въ донесеніяхъ своихъ государю, онъ не выражаетъ рѣшительного о немъ мнѣнія; о генералѣ же Паскевичѣ относится съ большою благо-склонностью, выражая симпатію свою къ его благородному ха-рактеру, хотя и не оправданъ его образъ дѣйствій относительно Ермолова. Попремѣнно, то защищая послѣдняго отъ обвиненій въ значительныхъ злоупотребленіяхъ, то бездоказательными обвиненіями его въ властолюбіи, одновременно одобряя многія изъ его дѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, порицая общую систему его управлѣнія. Дибичъ положи-тельно высказывается только одно: сомнѣніе въ благородности и способности обоихъ, т.-е. и Ермолова, и Паскевича, къ управ-лѣнію краемъ и веденію войны, а потому и медлить обильвіи первому волю государя объ его увольненіи, опасаясь, чтобы за-мѣщающій не былъ хуже замѣщаемаго. Отказывая Ермолову въ рѣшимости и предпріимчивости, повторяя за Паскевичемъ, что отъ него нельзѧ ожидать блестательныхъ дѣйствій, Дибичъ, гла-внымъ образомъ, занимается составленіемъ плановъ для будущей кампаниіи и распоряжается принятиемъ нужныхъ по военной части мѣръ, точно какъ бы онъ былъ уже настоящей главнокомандую-щей. Среди этого невыносимаго положенія, Ермоловъ решается на послѣдній шагъ; онъ пишетъ государю извѣстное письмо свое (отъ 3-го марта 1827 г.), въ которомъ, не смѣя прямо просить

мѣсто Ермолова, въ званіи главноуправляющаго, изъ-за котораго, быть можетъ, ему уже виднѣлся жезлъ фельдмаршала. Судьба рѣшила иначе. Постъ Ермолова достался Паскевичу. Дибичъ достигнулъ званія главнокомандующаго на другомъ театрѣ дѣйствій. Ермолову же выпалъ жребій: въ полномъ развитіи силъ (ему тогда было не болѣе 50-ти лѣтъ), сойти со своего блестя-тельного поприща, оставить половину своего долгаго вѣка дожи-живать, хотя среди общаго почета, но медленно угасая въ московскомъ бездѣлѣ.

Мы близко знали Алексѣя Петровича. Образъ его неизгладимо запечатленъ въ нашей памяти. Да и кто, хотя разъ видѣвъ его, могъ забыть его колосальную фигуру, его лысину голову, его проницательный, глубокий взглядъ, изъ-подъ пави-шихъ бровей? Кто же имѣлъ случай наслаждаться его несправлен-ной бѣсѣдою, тотъ, конечно, навсегда живо сохранилъ въ своей памяти и одушевленныи черты его лица, его одушевленную умную рѣчу. Происходя изъ старинной небогатой дворянской фамиліи, Орловской губерніи, Алексѣй Петровичъ получалъ, по тогдашнему, типичное образованіе, которое впослѣдствіи полу-чило собственными труами и наилитанностью. Богато одарен-ный отъ природы, онъ соединилъ въ своемъ нравственномъ и физическомъ облике черты характера обояхъ своихъ родителей. Отъ отца ¹⁾ онъ унаследовалъ серьезный, дѣловой складъ ума, павишии брови и то суровое выраженіе, которое виднѣлось на его лицѣ въ минуты гнѣва или душевнаго нерасположенія. Отъ матери ²⁾ къ нему перешло живое острое и колкость языка.

¹⁾ Петръ Алексѣевичъ умеръ въ 1832 году. Служилъ при генерал-прокурорѣ графѣ Самойловѣ. Императрица Екатерина II, передъ самой кончиной своемъ, поклонилась ему, въ чинѣ статскаго советника, Владимира 2-й ст. со звѣзда, по не уѣздѣ подписать указъ. Императоръ Павелъ приказалъ вы-дать орденъ и отставку отъ службы. Ермоловы были въ родственныхъ отно-шеніяхъ съ людьми, приближенными къ Екатеринѣ. Ихъ всегда было жить въ Орловской деревнѣ, где они и прожили до самаго введенія Александра I. Павловичъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и затѣмъ сосланъ въ Кострому, где оставался до вступленія на престолъ Александра I. Павловичъ. Въ Костромѣ онъ основательно изучилъ запинскому языку. Объ этомъ городѣ онъ сохранилъ самыя пріятнѣя и, какъ кажется, сердечныя воспоминанія.

М. П.

²⁾ Марья Денисовна, рожд. Давыдова, родная тетка партизана-поэта, была въ первомъ замужествѣ за Каховскимъ, отъ котораго имѣла одного сына,

качества, которые доставили ему громкую известность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нанѣзли ему много вреда. Острия, злительныя рѣчи его, не всегда справедливы, но всегда мѣткія, обониши всю Россію. Очаровательный въ обхожденіи, доступный, привлекательный къ подчиненнымъ, онъ, въ молодыхъ годахъ, не всегда уживался съ начальниками, хотя всегда отличался строгимъ исполненіемъ долга и служебныхъ обязанностей. Какъ всѣ необыкновенные люди, онъ матически дѣйствовалъ на окружающихъ. Его обаятельному вліянію поддавалась не одна молодежь; обаяніе это испытывали на себѣ и такие люди, какъ государь Александръ Павловичъ, какъ цесаревичъ Константина, Багратионъ, Платовъ и множество другихъ не рядовыхъ людей. Самъ могущественный Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ долженъ былъ считаться съ нимъ, и однажды, въ минуту откровенности, съ свойственнымъ ему цинизмомъ, вы сказалъ Ермолову: «Алексѣй Петровичъ! мы съ вами не перегрыземся!». Люди, лично къ нему нерасположенные или склонные видѣть во всемъ одно дурное, нерѣдко объясняли дѣйствіемъ и поступки Ермолова его непокоримыя самолюбіемъ, честолюбіемъ, присущая ему хитрость, и лицемѣре, даже коварство. Какъ у всякаго человека, у него были свои слабости и недостатки. Да. Онъ былъ и самолюбивъ и честолюбивъ, но, какъ мы думаемъ, въ лучшемъ значеніи этихъ словъ. Сознавая свои достоинства, онъ часто, особенно смолоду, увлекался ими за предѣлы благородства. Вообще, какъ умный русскій человѣкъ, онъ былъ не безъ лукавства. Не даромъ великий князь Константина Павловичъ говорилъ Ермолову: «Я вѣсъ люблю искренне и вы меня любите, но съ обманцемъ» (см. статью Погодина въ «Русскомъ Вѣстнике», за 1864 г., май стр. 239). Зная чудесное дѣйствіе, производимое его ласкающими, подѣль-часть ласковыми, словомъ, онъ иногда не въ мѣру расточалъ чары своей любезности передъ нужными ему людьми, но болѣеючасто, съ какою

Александра Михайловича, служившаго съ отличиемъ въ военной службѣ, въ чинѣ генерала. Потомъ все царствование Павла онъ пропелъ въ заточеніи въ крѣпости. Императоръ Александъ возвратилъ ему свободу, но не могъ возвратить ему потерянаго здоровья. Умеръ въ отставкѣ, кажется, въ Смоленской своей деревнѣ. Алексѣй Петровичъ высоко цѣнилъ умъ и дарованія своего старшаго брата и часто говорилъ, что послѣдній во всемъ былъ выше его.

Смысъ отъ А. П. М. П.

Смысъ отъ А. П. М. П.

цѣлью? Для того, чтобы достичнуть успѣха въ какомъ-нибудь полезномъ дѣлѣ, чтобы помочь бѣднику, доставить выгоду по службѣ достойному. Мы могли бы привести множество примѣровъ, въ подтверждѣніе нашихъ словъ. Примѣры его коварства намъ неизвестны. Мы знаемъ, что въ молодые годы онъ былъ пылокъ, порывистъ, рѣзокъ въ суженіяхъ, со вредомъ для себя. Внослѣдствіи, въ лѣтахъ зрѣлыхъ, занимая высокія должности, онъ умѣлъ себя воздерживать, сдѣлалъ умѣреніе, осторожнѣе, оправдывая избранный имъ девизъ: «пес темеге, пест timide». Рѣдко его безкорыстіе нѣкоторые люди также охотно истолковывали побужденіями тщеславія и гордости¹⁾. Но каковы бы ни были эти побужденія, желательно было бы видѣть побольше примѣровъ въ этомъ родѣ. Нѣкоторые обвиняли его въ фамильярности, въ панибратствѣ съ молодыми людьми. Правда, онъ любилъ окружать себя молодежью, но его властъ, какъ начальника, и польза службы оттого не страдали. Благодаря своей доступности, онъ пользовался любовью и неограниченной преданностью подчиненныхъ, и конечно, ни одинъ начальникъ не имѣлъ болѣе усердныхъ къ дѣлу сотрудниковъ. Писатель Алексѣй Петровичъ, не говоря уже о его изящномъ почеркѣ, замѣчательно-свообразными изысками. Слово его было вѣсомъ тяжеловать, иногда изысканъ, но всегда полой силы, чуждъ рутинной гладкости и часто возвинчалось до истинного красорѣбія. Приказы его по войскамъ считаются, между военными людьми, въ своемъ родѣ образцами. За то и выпала ему честь написать знаменитый приказъ, отданный государемъ по арміи нашиши, въ Парижъ, въ 1814 году. Въ его частныхъ письмахъ, вѣсомъ кокетливыхъ по формѣ, искрится неистощимое остроуміе. Несмотря на блестящія свои качества (любезность, остроту, неподражаемое умѣніе рассказывать), онъ

¹⁾ Извѣстно, что А. П. всегда уѣзжалъ обходиться на службѣ однѣмъ жалованіемъ, уклонясь отъ получения денежныхъ наградъ. Въ 1821 году, по возвращенію его изъ Лайбаха въ Петербургъ, когда государь былъ особенно къ нему милостивъ, онъ назначена была, 30-го августа, аренда по онъ былъ принятъ оной отказано. Въ запискахъ своихъ, онъ, по этому случаю, говоритъ: «Рано великоупущенъ былъ государь, и награды мои, и высушившая отзыѣ мои, что я награды не приемлю. Могу признаться, что въ отказѣ мой не вѣшивалась самолюбіе, но почтеннѣе я награду смыше заслугъ моихъ и мнѣ ни какими приличия не принадлежатъ». (Записки А. П. Ермолова, ч. II, Москва, 1865 г., изд. И. П. Ермолова).

М. П.

дружбою еще съ 1812 года. Зыковъ былъ домашнимъ врачомъ въ семействѣ Кикиныхъ. Познакомившись съ Ермоловымъ, обвороженный его умомъ и обраненіемъ, онъ искренно къ нему привязался. Замѣтивъ свое вліяніе, Ермоловъ задумалъ поспѣшить надъ нимъ. Однажды въ комнатѣ Зыкова вѣбѣгаетъ жена Н. А. Кикинъ, зовя его: «Докторъ! Ради Бога спѣшите поскорѣе на помощь изъ Алексѣй Петровичу. Ему дурно». Зыковъ бросился и нашелъ его въ креслахъ безъ движенья, съ мертвеннаго блѣдностю на лицахъ, схватился за пульсъ — пульсъ не бѣтъ. Видя, что на рукахъ у него умираетъ такой человѣкъ, онъ запатался и упалъ безъ чувствъ. Наслышавъ его въ себѣ, объяснивъ, что съ нимъ штуки. Оказалось, что Ермоловъ обладалъ способностью, однѣмъ усилиемъ, останавливать себѣ, на вѣсомъ мнѣній, проворованиемъ, а бѣдный докторъ былъ подверженъ пріпадкамъ болѣзни, которые случались при особено сильномъ душевномъ дѣяніи. Алексѣй Петровичъ внослѣдствіи подтвердилъ памъ справедливость этого разсказа и прибавилъ къ тому, что въ лѣтописяхъ медицины, какъ они уѣздили ученыѣ, извѣстны два или три примѣра подобной способности, но что ему совсѣмъ не пользовались этимъ даромъ, подѣ опасеніемъ, чтобы минима смерть не обратилась въ настоящую. Все было необычайно у этого человѣка: такъ кожа у него на тѣлѣ была какъ склонъ, и наѣмъ случайно слышать, какъ Алексѣй Петровичъ шутя говорилъ, что онъ лишенъ чувства осозанія и что для него «на-ощущъ все равно: что рука красавица, что заслонка».

Таковъ былъ Ермоловъ — это одно изъ счастливыхъ и лучшихъ проявленій русскаго ума, богатырской русской натурѣ. Онъ умеръ въ 85 году жизни, въ Москвѣ, 11-го апреля 1861 г., переживъ обоихъ своихъ соперниковъ и сохранивъ, почти до глубокой старости, физическіе и нравственные силы. Въ послѣднемъ бореніи съ смертью, онъ ещѣ выказалъ свою жизненную силу. Молодой врачъ, находившійся при немъ въ послѣдніе дни его безотлучно¹⁾, рассказывалъ памъ, что однажды Алексѣй Петровичъ почувствовалъ ночью особенно сильный приступъ болѣзни.

значеніе статс-секретаремъ его императорскаго величества. Женатъ былъ на Горюковой, внукаѣ известной Мары Савиной Перекусихиной, отъ которой все состояніе перешло къ женѣ Кикинѣ.

М. П.

М. П.

¹⁾ А. М. Макбетъ.

«Русская старина», т. VI. 1872 г. № 2.

32

¹⁾ Библиотека эта, замѣчательная богатыемъ собраніемъ картъ и сочинений по части военного искусства и исторіи, при жизни Ермолова была приобрѣтена московскимъ университетомъ.

М. П.

²⁾ Петръ Андреевичъ Кикинъ, въ чинѣ полковника и въ званіи фельдъ-адъютанта, исправлялъ должность дежурнаго генерала 1-й арміи во время войны 1812 года. Внослѣдствіи перешелъ въ гражданскую службу и быть на-

Схвативъ за руку доктора, онъ требовалъ настоятельно помоши, громко говоря: «Да ты понимаешь ли, мой другъ, что я жить хочу, жить хочу».

Алексѣй Петрович Ермоловъ, по желанію, похороненъ въ Орѣ, рядомъ съ своимъ отцемъ. Въ 1869 году мы посѣтили его могилу. Онъ положенъ въ Троицко-Кладбищенской церкви, вправо отъ алтаря, въ нарочно пристроенномъ къ церкви каменномъ придѣлѣ или налѣтѣ, въ склепѣ подъ помостомъ. На одной изъ стѣнъ палатки вѣдѣнія рядомъ, двѣ доски съ надписями, справа: «Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ скончался 1832 года, маѣ 23-го, на 85 году отъ рожденія». Слѣдя: «Алексѣй Петровичъ Ермоловъ скончался 1861 г., апрѣля 11-го дня, на 85 г. отъ рожденія». Передъ послѣднюю могилою теплится чугунная лампада, поразившая настъ свѣтломъ устройствомъ и происхождѣніемъ. Она утверждена на мѣдномъ пьедесталѣ и состоитъ изъ чашки чугунной гранаты, въ которую вставлена стеклянная лампа. На чугунѣ, грубыми литерами отчеканено: «Служащіе на Гу-нибѣ кавказскіе солдаты».

Лампада, какъ объяснялъ намъ священникъ, устроена усердіемъ низшихъ чиновъ кавказскаго войска, на собранную ими сумму въ сорокъ рублей.

На наши глаза — такой памятникъ краше всяаго мавзолея.

Мы передаемъ на страницы «Русской Старинѣ» нѣсколько документовъ изъ имѣющейся у насъ переписки А. П. Ермолова. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ, какъ, напримѣръ, письма его къ государю Александру I въ 1812 году, не лишены историческаго интереса. На нихъ ссылается Богдановичъ въ своей истории 1812 года, о нихъ упоминаютъ въ своихъ запискахъ самъ Ермоловъ и Давыдовъ, но, если мы не ошибаемся, письма эти до сего времени, нѣкогда не были напечатаны. Другій предлагаемый нами читателямъ «Русской Старинѣ» бумаги, относящіяся ко времени управления Ермолова кавказскимъ краемъ, любопытны какъ материалъ для его характеристики.

М. Н. ПОХВИСНЕВЪ.

Отъ редакціи. Къ документамъ, сообщеннымъ М. Н. Покхвисневымъ, присоединяется нѣсколько другихъ материаловъ къ биографіи Ермолова, а именно: статья-секретаремъ Кининимъ (1817—1832 гг.); разсказъ г. Храповицкаго; письмо къ Ермолову Ник. Ник. Муравьеву-Карскаго и проч.

въ Витебскѣ, прибыли и соединеніе армій болѣе, нежели когда-либо сдѣжалось сомнительнымъ. Три дня сраженія продолжались упорѣйшія съ довольно значущими силами арміи нашей и мы отступили къ Поречью. Да же главнокомандующій не объявилъ еще направленіе Непріятеля можетъ быть прежде настъ въ Смоленскъ, отбросивъ да-леко 2-ю армію. Если бы непріятель предпріимчивъ, можетъ загадить намъ путь. Мы опрокинемъ и пройдемъ, но обозы арміи подвергаются опасности. Во сѣдѣ за нами идетъ непріятель, много превосходящій настъ силами. Трудны пути ему, войско изнурено, но на семъ невозможно основывать успѣхъ; тѣ же трудности путей и для войскъ, нашего императорскаго величества и для настъ не могутъ онъ быть не чувствителенъ. Непріятель имѣть числомъ ужасную кавалерію, наша превзойденно потерпѣла въ послѣдніхъ дѣлахъ. Отъ генерала Платова даже ни одна партія съ настъ не соединилась. Ваше императорское величество истинное сіе дѣло нашихъ изображеніе. Точное положеніе армій опредѣлить, какія средства предпринять должно къ уничтоженію силѣ непріятеля. Государь! 1-я армія одна противостоять должна непріятелю, и безъ соединенія его съ другою его арміею несравненно сильнѣшему — устремъ сомнителенъ! Корпусъ графа Витгенштейна безполезно отъ настъ отдаленъ. Если непріятель силенъ противъ него, то онъ слабъ сдержать его стремлѣніе. Если онъ останется безъ дѣйствій, то слишкомъ силенъ его корпусъ, чтобы армія нечувствовала его отдаленія. Государь! Необходимъ начальникъ обѣихъ армій. Соединеніе ихъ будетъ послѣднѣе и дѣйствія согласные. Вашему императорскому величеству угодно было одобрить смѣлость мою, съ каковою всегда говорилъ истину. Государь! Ты одинъ изъ царей, могущихъ слышать ее беззаботенно! Вѣрноподданній начальникъ главнаго штаба 1-й арміи генераль-майоръ Ермоловъ.

Помѣти: Резолюція: «Къ сѣдѣнію». «Получено 27-го юни отъ ген. Любомирскаго».

Июль 16-го для 1812 года. Лагерь при Витебске. Годъ одинъ и два начальника, по согласию предприняли наступленіе на непріятеля, разбросавшаго на большое разстояніе свои силы. Опредѣлено сдѣлать нападеніе на центръ ихъ. Дѣйствіе наступательное ожило духъ воиновъ еще болѣе, и арміи двинулись, однѣ марши по направлению на Рудню. Одной колонны, по причинѣ трудности путей, медленно, съ движениемъ и однимъ маршемъ уменьшилась скорость дѣйствій нашихъ, а однѣмъ маршемъ уменьшились затрудненія непріятеля собрать свои силы, которыхъ, конечно, собираются по направлению напащему. Главнокомандующій, желая воспользоваться ослабленіемъ лѣваго крыла ихъ, отклонилъ

Всемилостивѣшій государь! Главнокомандующій, донося вашему императорскому величеству о всѣхъ происшествіяхъ въ точномъ ихъ видѣ, не избавляетъ меня обязанности повергать къ стопамъ вашего императорскаго величества донесеніе мое, хотя бы для того единственно, чтобы служить могли доказательствомъ образа понятія моего о всемъ, что до положенія арміи относится.

Отступленіе наше отъ Витебска, необычайно рѣшительностію

отступленіе, подобное которому никогда не имѣло въ истории. Аѣдѣніе арміи, разбросанной по всѣмъ концамъ земли, не имѣло въ истории. Но, несмотря на это, мы не можемъ не сказать, что это было необычайно. Извѣстно, что въ истории не было такого, чтобы армія, разбросанная по всѣмъ концамъ земли, не имѣла въ истории. Но, несмотря на это, мы не можемъ не сказать, что это было необычайно.

ДОНЕСЕНІЯ И ПИСЬМА А. П. ЕРМОЛОВА.

Императору Александру I.

Всемилостивѣшій государь! Должность, по волѣ вашего императорскаго величества, при арміи мною отправляемая, всѣ обстоятельства извѣстны дѣламъ мѣръ, обязываетъ повернуть къ столамъ государя, мѣръ благоворища, мои, относительно положенія арміи, замѣчанія.

Послѣ пяти дней, безполезно въ лагерь при Дриссе проведенныхъ, въ намѣреніи приготовить продовольствіе войскамъ, армія выступила изъ Полоцка. Между тѣмъ непріятель, представляя повсюду передохнѣвшимъ постамъ малыя всѣмъ силы, спѣшилъ собрать главнѣйшія. Движеніе на Полоцкѣ было одно, обѣщающее соединеніе со 2-ю арміею. Нужна была скорость. На третьемъ, отъ Полоцка къ Витебску, переходѣ надобно было идти на Сейно и Коханово. Симъ движеніемъ если еще и не соединились арміи, но та, по крайней мѣрѣ, происходила выгода, что 1-я армія становилась уже на дорогу, идущую чрезъ Смоленскъ въ Москву, закрывала сердце Россіи и всѣ средства, для дѣятельнѣйшихъ мѣръ, поставленыя за собою. Непріятель, какъ изъ постыднѣйшаго видно, обратя въ Могилевъ главнѣйшія свои силы, безсилъ былъ по прямому на Смоленскъ направлению. Непріятель, видя себя между двухъ армій, на близкомъ разстояніи, не могъ бы дать сраженія, но долженъ былъ бы отступить. Главнокомандующій согласился было переправиться въ Буйоловъ чрезъ Двину, но отмѣнилъ по причинѣ недостатка продовольствій и арміи двинулась къ Витебску. Между тѣмъ необычайной склонности маршами непріятельскими силы, на третій день пребыванія арміи

32*

произведенное, чтобы не дать ей именованіе дерзости, тогда какъ иначе называемо было общее дѣло, приведя непріятеля въ недоумѣніе, доставило намъ возможность прибѣти въ Смоленскъ. 2-я армія, грубо погрѣшностью маршала Даву, ожидающаго нападенія въ Могилевъ, послѣ жестокаго сраженія, храбрымъ генераль-лейтенантъ Раевскимъ данаго, скрывши движеніе свое, безпрепятственно, также прибыла къ Смоленску. Маршаль Даву долженъ былъ прежде настъ занять Смоленскъ. И безъ большихъ усилий, ибо въ Орѣ были части войскъ, его армія привадесавшихъ. Итакъ, неожиданно и въ близи многочисленныхъ непріятельскихъ силъ, арміи соединились. Ваше величество, мы вмѣстѣ. Арміи наши слабѣе числомъ непріятеля, но усердіемъ, желаніемъ сразиться, даже самимъ озлобленiemъ, содѣлившимъ не менѣе сильныхъ. Нѣть возможности изѣжать сраженія всѣмъ силами, ибо непріятель не можетъ терпѣти время въ праздности. Могутъ присѣть къ намъ усилия, можетъ сблизиться армія генерала Тормасова, не столько опасная въ пѣхотѣ, какъ отдаленіи и самими усилемъ еї ничего рѣшительного непроизводила, до тѣхъ поръ какъ станетъ на операционной линіи непріятеля. Покрывающая себя словомъ молдавской арміи, неравнодушный взглядъ непріятеля на себя привлекающій, можетъ получить опасное для него направление. Государь! Наші способы не менѣе самихъ онъ знаетъ, нѣльзя медлить ему. Согласиеніе всѣхъ армій дѣйствіе, соединеніемъ всѣхъ способовъ напряженіе гибельны для него. Итакъ, уничтоженіе арміи, въ предѣверахъ, такъ сказать Москвы, стоящей, должно быть единственnoю его цѣлью. Симъ не только умѣдиняется составленіе нашихъ ополченій, но частіе уничтожаются, и угрожаемая Москва, какъ сердце Россіи, не можетъ не произвести вѣнца на прочіи страны имперіи. На семъ основывается коварный непріятель свою различеніе. Государь! Арміи вашего величества имѣли уже успѣхи, солдатъ неустрашенъ и мы русскіе! но напряженіе всевозможныхъ идей необходимо. Малѣйшее медленіе опасно.

Государи! Арміи вмѣстѣ и два начальника, по согласию предприняли наступленіе на непріятеля, разбросавшаго на большое разстояніе свои силы. Опредѣлено сдѣлать нападеніе на центръ ихъ. Дѣйствіе наступательное ожило духъ воиновъ еще болѣе, и арміи двинулись, однѣ марши по направлению на Руднию. Одной колонны, по причинѣ трудности путей, медленно, съ движениемъ и однимъ маршемъ уменьшилась скорость дѣйствій нашихъ, а однѣмъ маршемъ уменьшились затрудненія непріятеля собрать свои силы, которыхъ, конечно, собираются по направлению напащему. Главнокомандующій, желая воспользоваться ослабленіемъ лѣваго крыла ихъ, отклонилъ

я прошу покорѣйши приказать принять ихъ отъ коллежского секретаря Покхиснева, при мнѣ служившаго, и меня о получении оныхъ благоволить увѣдомити.

Имѣю честь быть и проч.

Сообщ. М. Н. Покхисневъ.

VIII.

Дежурному генералу главнаго штаба.

Генерал-отъ-инфантеріи Ермоловъ просилъ бывшаго начальника главнаго штаба, о награждениі одного священника наперсныи крестомъ. По заведенному порядку требовалъ мнѣи обѣр-священника, который отвѣчалъ что онъ до получения «достовѣрныхъ свѣдѣй» о семъ священнике, не можетъ согласиться на награду.

О таковомъ отзыѣ увѣдомленъ Ермоловъ. Но сущему случаю вторичное посыпало отношеніе Ермолова къ бывшему дежурному генералу главнаго штаба¹⁾.

„При отношеніи отъ 2-го ноября за № 9,603, ваше превосходительство препроводить мнѣ изволили концо съ отзыва г. министра духовныхъ дѣлъ и народного просьщенія о томъ, что полевой обѣр-священникъ, въ ожиданіи достовѣрныхъ свѣдѣй объ исправности тифлескаго военнаго госпитала протоіерей Джевахова, отказываетъ просимую ему мною награду.

Господнъ обѣр-священникъ, въ премудрой осторожности своей противъ свидѣтельствованія моего обѣ усердіи протоіерей, конечно, не проститъ мнѣ суетнаго сужденія, что въ званіи командира корпуса, удостоившемъ важной чиновникъ, могъ бы не подпачь подозрѣнію въ пристрастіи въ подобномъ случаѣ; но какъ ожидаемы имъ достовѣрныя свѣдѣнія, конечно, не сообщаются ему откровеніемъ свѣтии, и, подобно мнѣ, долженъ отъ рассматривать предметы, даетъ онъ, г. обѣр-священникъ, поводъ, довольно правдоподобный къ заключенію, что въ разстояніи 3,000 верстъ не лучше можетъ онъ видѣть ихъ, какъ я и самъ, когда они у меня подъ глазами.

Не чудно было бы, по крайней мѣрѣ, приличія, если бы г. обѣр-священникъ благоволилъ изыскать лучшую причину къ опроверженію представленія моего о вознагражденіи протоіерей.

Отношеніе было доложено покойному государю, на которомъ послѣдовала резолюція: «Дать протоіерѣю приличную награду, а обѣр-священнику препроводить съ онаго коню».

¹⁾ Писмо это помѣщено М. П. Погодинымъ въ статьѣ о Ермоловѣ (въ «Русск. Вѣсти»); приводимъ его здесь по другому списку, доставленному В. М. Федорову.

Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину.

1817—1832.

Статсь-секретарь Петръ Андреевичъ Кикинъ, любитель искусствъ, членъ высокой честности и прямоты характера, былъ однѣмъ изъ лучшихъ друзей Ермолова. Знаменитый воинъ, какъ видятъ читатели, былъ весь на распашку предъ Кининомъ и потому настоѧщая переписка является не маловажнымъ материаломъ для знакомства съ Ермоловымъ. Обращаемъ особое вниманіе на письма 1826—1827 гг. Объ общественномъ и служебномъ положеніи Кикина сказано выше М. Н. Покхисневымъ въ примѣненіи на стр. 490 и 491.

Подлинники писемъ Ермолова сохранились въ семейственномъ архивѣ свѣтѣйшаго кн. П. Д. Волконскаго, которымъ и сообщены въ «Русской Старинѣ», при обязательномъ посредствѣ Ф. К. Опочинина. При изданіи этихъ документовъ, мы опустили два письма (отъ 12-го сентября 1824 г. изъ Кабарды и отъ 23-го іюля 1832 г. изъ Москвы), и отрывокъ изъ письма отъ 12-го октября 1827 г. изъ Орла. Въ опущенныхъ письмахъ и отрывкѣ дѣло имеетъ исключительно о г. Павловѣ, мужѣ сестры Ермолова, Анны Петровны. Примѣненіе къ письмамъ принадлежать М. Н. Покхисневу.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред.

Письма А. П. Ермолова къ Петру Андреевичу Кикину. Ред

различныхъ плантаций, которыхъ лишилась Франція съ потерю своихъ колоний. Въ здѣшней странѣ люди, могущіе обращать большии капиталы, весьма подсознаны, и заведеній всякаго рода въ рукахъ частныхъ пойдутъ успѣшнѣе. Не намъ и не здѣсь учреждать возможно казенные фабрики. Дюкъ-де-Ришелье, рекомендовавший мнѣ сего иностранца, кажется занимающимся симъ предметомъ и войдетъ въ сношеніе со нашимъ министерствомъ. Я нахожу большіи для насъ выгоды, если правительство изъявить на то свое согласие; боюсь только, что не обратить на то должного вниманія, или, не имѣя о здѣшнемъ краѣ достаточнѣхъ сѣдѣній, не обойметъ предмета во всѣхъ его отношеніяхъ. Что сказать о себѣ? Къ вамъ не попадешь никакими образомъ, здесь дѣло одно за другимъ и свободной нѣть минуты. Въ теченіе года времени у меня большіи перемѣны, которыхъ польза еще была бы очутительнѣе, еслибы не помѣщалъ бытъ въ Имеретіи (который давно однако же кончился) и Гурії. Долженъ сказать съ прискорбіемъ, что между христіанами правительство имѣетъ злыхъ враговъ и что мусульмане, не взирая на различіе вѣръ, криво истолковываютъ неизвѣстнѣмъ духовенствомъ, въ короткое время будуть вѣрѣющими и послушными. Теперь уже многие изъ нихъ служатъ вмѣстѣ со войсками нашими, а христіане проповѣдидаютъ намъ кровь въ бутылкахъ противъ правительства, съ ужаснѣйшимъожесточеніемъ. Теперь, благодаря дѣятельности начальниковъ и храбрости войскъ, отысканы матреники въ мѣстахъ неприступныхъ лѣдѣствуетъ ужасъ тамъ, где нѣть мѣста великодушію. Въ Гурії также кончились безпокойствія! Не всегда употребляя средства самыя строгія, но, не пропуская винъ безъ наказанія, обудзываемъ и здѣшнѣе народы, и часто преступники сами себѣ производятъ приговоръ. Такъ теперь бѣжалъ генералъ-лейтенантъ Мустафа-ханъ-шіраванскій, чувствуя вину свою и зная, что не умѣлътъ взысканіе. Давно онъ мешаничалъ, но и занятъ быть другими дѣлами и лишь только сдѣлалъ свободнѣе, онъ разсудилъ за благо не ожидать вразумительного поученія пушки. Вѣгство его отычило наѣ сладкими временемъ болѣе полу миллиона дохода. Это достано безъ выстрѣла! Въ прошедшемъ году одинъ изъ хановъ умеръ и я, растолковавъ трактатъ, какъ муллы объясняютъ Алкоранъ, взялъ ханство въ россійское управление съ полу миллиона же дохода. Итакъ, любезный братъ, Петръ Андреевичъ, не все и здѣсь дерусъ, безоливно, какъ говорятъ обо мнѣ, а сіе то и производить, что смиряя злѣйшихъ, заставляю слабѣйшихъ вознаграждать за труды наши. Прощай, попѣлъ ручку у сестры несравненной! Вѣрный по смерть А. Ермоловъ.

ное понятіе, они весьма не ловко дѣлаютъ, что приводятъ съ собою лошадей. Тогда не затруднится дать преимущества!

Что за вздоры происходятъ у васъ въ мірѣ просвѣщенномъ? Головокруженіеуже чумы нашей, а укрошать и ту болѣзнь не легче; у насъ та выгода, что возстающихъ противъ законной власти и разрушающихъ установленный порядокъ, просто называются бунтовщиками и ихъ душатъ, ибо напрасенъ труда вразумлять не разсуждающихъ, а при переворотахъ таковыми является большая часть людей; движущій же пружины въ маломъ всегда числѣ или многосложная машина сама себѣ повреждается. Не правится мнѣ новый характеръ революціи, производимыхъ арміями. Если сіи послѣднія способствовали иногда властолюбивымъ удерживать народы въ поработленіи, то сколько же разъ были оградою внутреннаго царствъ спокойствія, благоденствія народовъ! Не въ нынѣшній времена могутъ быть арміи слѣдами орудіями власти, слѣдовательно не имѣетъ приличествуетъ содѣйствовать къ разрушенію оной! Просвѣщеніе открываетъ народамъ пользу ихъ, изучаетъ властителей не преперебрѣгать общимъ мнѣніемъ и довольно! Кто мнѣнѣ не разумѣтъ, что лучше сегодня дать добровольно то, что завтра можетъ быть вызвано насилиемъ. Достоинство есть свойственный видъ власти, ей присущестуетъ даръ добровольный, не совѣтство соглашеніе, а народы не менѣе воспользоваться могутъ имъ принадлежащимъ.

Владыкамъ, собирающимся на конгрессъ въ Троицкую, нельзя терять столько времени, какъ на конгрессѣ въ Вѣнѣ. Сосѣдній Франціи пожаръ не благопріятенъ. Гишианцы не взяли за образецъ картю Людовика XVIII, слѣдовательно можно думать, что есть что-нибудь лучше. Напрасно возлагать надежды спокойствія на однѣмъ рожденіи герцога Бордо. Онъ долго не будетъ полезнѣе напитка сего иміни, а это не много!

Неаполитанцы прикидываются, будто чувствуютъ себя людьми; впрочемъ, для безпорядковъ много годныхъ инструментовъ, и если лазарони возможтаютъ, что революція можетъ дать имъ лучшую пищу, нежели излавливаемые въ морѣ вѣрви, то и имъ пренебрегать не должно.

Благодари, что я при концѣ страницы, иначе могъ бы тебѣ насказать пустынѣ разсужденіемъ, а болтать была охота необыкновенная. Не много солдатъ великихъ политиковъ. Смѣйся, и этого ожидай!

Попѣлъ у безнодобной сестры ручку. Прощай! Вѣрный Ермоловъ.

30-го ноября 1820 г. Тифлисъ.

Любезный братъ благородѣшее существо! Не хочу ничего скрывать отъ тебя, ниже моихъ ошибокъ. Въ черную минуту, каковая жизнь здѣшня доставляетъ во множествѣ, о тебѣ, какъ о человѣкѣ значущемъ, судилъ я по другимъ, но ты существо пречудесное и я обманулся! Казалось мнѣ, что просьбу мою о братѣ почелъ ты прокливою, тронуло чувствительно, что не обратилъ вниманія на состояніе его по истинѣ бѣдное. Я узналъ, что необходимо было соизволеніе государя, не могъ не знать, что собственнымъ правилъ твои изъяснить тебѣ, что необыкнѣй просить, не рѣшается просить безъ крайности, и какъ послѣ того могъ я истолковать твоё молчаніе?

Но сильнѣе самой ошибки моей чувствую я цѣну благороднаго твоего поступка и вѣѣтъ со братомъ благодарность наша есть жертва, тебя достойной! Ты сдѣлалъ бѣзъ, нежели къ чему и самая обязанность наклонять можетъ, сдѣлалъ для тѣхъ, кому ни чѣмъ не обзантъ, темъ пусть, что хотятъ дѣлать сильные!!!

Какая странная мысль пришла тебѣ показать письмо мое и я, не помни точно содержанія оного, боюсь, не въ желчь ли обмана я перо мое. Ты можешь повредить моей скромности.....

Я пронаѣ, если что-нибудь говорилъ о вѣльможахъ, и развѣ только то спасетъ меня, что уже не можетъ возврати икъ ко мнѣ неблаговоленіе. Хорошо однако же сдѣлалъ ты, что мужественно защищая выпускъ въ свѣтъ письма моего. Это не Академическая выставка и могла бы не быть мнѣ полезною. Я уже прекрасно во многихъ случаяхъ рекомендованъ и за связь со мною были бы и тебѣ упреки.

По возвращеніи императоръ не упусти припомнить министру. Вѣльможъ насчитываютъ привѣтствій людей твоего разряда и дѣло отъ того можетъ имѣть благоприятный оборотъ. Меня и Дружининъ¹⁾ не удостоились отвѣтомъ, чего же мнѣ ожидать отъ вѣльможи?

Ты однако же банишься въ письмѣ твоемъ и я готовъ бы съ тобою схвачтыватъ, но какъ просителю не прілично возражать, то и оставлю объясненіе до личнаго съ тобою свиданія. Какая ловкость! За что же у знатныхъ не снискываю себѣ благоволенія? Хотется мнѣ побывать у васъ и какъ ипнѣ ко всему восточному есть особенное вниманіе, то и на менѣ въ оное обратите. Что доселѣ съ нашей стороны появилось у васъ, едва ли могло, по справедливости, занимать мѣсто между людьми, и мнѣ кажется, чтобы дать о себѣ выгод-

¹⁾ Директоръ одного изъ департаментовъ, кажется, министерства финансовъ.

М. II.

1822 г.

23-го июля 1822 г. Константиноіорскъ.

Сю минуту вдумаю, любезный братъ, Петръ Андреевичъ, что кромѣ удовольствія писать къ существу несказанному, я имѣю даже и просьбу.

Благодара заботливости графа В. П. Коубея, утверждены проекты зданій и для минеральныхъ здѣшнихъ вѣдъ и даже отпущены уже на строеніе деньги. Но недостаетъ архитектора, о чёмъ я и писалъ къ нему.

Ты любишь покровительствовать заведеніямъ и вообще предпріятіямъ полезнымъ; безъ сумнѣнія, лучше многихъ извѣстнѣхъ тебѣ художниковъ, и что болѣе, мнѣніе твоё имѣть вѣѣ²⁾; возьми на себя труда, приѣзжай со хорошими способностями молодаго въ академіи архитектора и склони г. Коубея, чтобы его прислали сюда. У менѣ былъ нѣкто г. Вильстеръ, молодой искусный человѣкъ, и если бы кто и менѣ его имѣть дарованія, я былъ бы доволенъ.

Вы сами по богаты архитекторами, но здѣсь не изобрѣтать, а уже предложенное пріинять въ исполненіе нужно. У менѣ же и таковыхъ нѣть на кавказской линіи, а изъ Грузіи, по множеству работъ, отѣлить невозможно!

Сдѣлай дружбу, похлопни любезный и рѣдкій братъ. Не слушай А. Н. Оленина. Здѣсь былъ нѣкто г. Юни, тебѣ, какъ говорить онъ, весьма знакомый. Я, давъ ему порученіе, лучше однако же разсудить самъ къ тебѣ написать. Онъ напомнитъ тебѣ и о профилѣ галереи таврійского дворца. Прикажи сдѣлать его пришли!

Есть еще одна просьба.

Стѣненіе состояніе бывшаго атамана донскаго генералъ-лейтенанта Денисова и гоненіе человѣка беззащитнаго въ его страсты, солдата, издавна уважаемаго по его храбрости, заслуживало бы лучшей участіи. Не вину въ оной Чернышева, человѣка знатнаго и въ дѣлахъ не весьма скѣдушаго; но тѣмъ болѣе, что долговременная и отличная служба можетъ быть помрачена Б — мъ, разбойникомъ, управлявшимъ первомъ Чернышевомъ. Счастіе сего мешника, что невозможно изѣбличить во взятахъ, и что дающій долженъ равномѣрно укрыватьться прѣслѣдованіемъ, а то здѣсь славную имѣть отъ репутацію, и точно достоинъ, ибо уже и награждены.

²⁾ П. А. Кикинъ любилъ искусство и покровительствовалъ художникамъ. Своимъ участіемъ способствовалъ онъ развитию таланта знаменитаго Бородина. Быть однимъ изъ основателей петербургскаго общества поощрѣнія художниковъ.

М. II.

„РУССКАЯ СТАРЫНА“, т. VI. 1872 г., № 2.

33

день лентою. Денисовъ чрезъ тебя писалъ государю. Не откажи оказать ему по силамъ помочь. Не твоего характера люди могутъ страшиться сильныхъ. Положи честь твою и правила твердымъ, въ по-крайности угнетаемаго, олоторомъ. Еще мы съ Чернышевъ ни-чего не брали штурмомъ! Ты не оставляешь безъ вниманія просящаго, истина дастъ силу словамъ.

Я болѣе двухъ мѣсяцей таскаюсь по Кабардѣ, хочу перенести гнусную и убийственную прежнюю кавказскую линію. Не безъ труда, но прибавь къ имени существа призательное счастливаго, и буду туть же вѣрный братъ, который любить тебя душевно, по-читаетъ по достоинству. Ермоловъ.

(1822 г.).

Я думалъ нѣкогда изъ разговоровъ ты слыхалъ, что я имѣю родную сестру, она замужемъ за Пацовскимъ¹⁾, котораго, конечно, видѣлъ ты у менѣ въ Петербургѣ. По обстоятельствамъ переселяются они на житѣ въ столицу, гдѣ зять мой, въ маленькомъ и ничтожномъ чинѣ его, надѣется получить мѣсто съ лучшимъ, нежели гдѣ-либо, жалованьемъ. Сѣль дружку, любезный братъ, Петръ Андреевичъ, приласки его и сестру мою, которую и познакомъ съ милою женой. Сестра женщина не молодая и ты увидишь, что весьма умная, которая, конечно, благорасположеніе ваше смыщетъ и, безъ сомнѣнія, заслужитъ.

Прости сестрѣ нѣкоторую неловкость, какъ женщины, брошенной обстоятельствами, среди незнакомаго міра, въ бѣдности, которая сопровождаема нѣкоторою застѣнчивостью и собственно къ самому себѣ лишила довѣрѣнности. Предувѣдѣмъ сестру мою, любезную и рѣдкую жену твою, что ласка ей оказанная, будеъ собственно мнѣ милостію. Привези къ ней родныхъ моихъ самъ, и если когда пожелаетъ она, чтобы они у нея бывали, то просто послай за ними экипажъ, ибо по бѣдности они его имѣть не въ состояніи. Я уже имѣлъ имъ, чтобы умѣли они не стыдиться бѣдности.

Надобно думать, любезный рѣдкій братъ, что я не въ блестательномъ положеніи, если въ подобномъ состояніи терплю сестру, которая только одна и есть у менѣ. Я бы по бѣдности годился быть военачальникомъ лучшихъ временъ республики. Меня это нимало не

¹⁾ Алексѣй Алексѣевичъ Пацовъ былъ женатъ на сестрѣ А. П., Аннѣ Петровнѣ. Состоялъ въ званіи камергера и занималъ должность за обер-прокурорскимъ столомъ въ синодѣ. Былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему клерикальному міру, къ Фотію, къ графинѣ А. А. Орловой и другимъ. М. П.

Прощайте, цѣлую ручки милой сестры, чудесной женщины! Душевно - преданный А. Ермоловъ.

Браните меня еще и всегда, но живить сердце мое чувство благодарности за благосклонное расположеніе ваше къ сестрѣ моей, боялся оскорбить вѣсъ выраженіемъ милости.

16-го ноября 1822 г. Тифлісъ.

Любезный братъ, существо рѣдкое! Родные мои, встрѣтившись съ вами въ Кіевѣ, пишутъ, что тобою и милою сестрою были чрезвычайно обласканы. Чувствую и одолѣніе сіе и благодарность вами, для меня любезнѣмъ, есть чувство сладостное. Ты однако же, конечно, не похвастаешь предъ мною сестровъ, что пишешь ко мнѣ чѣсто, что тѣмъ увлекаешь скучную и однообразную жизнь мою. Тебѣ бы надлежало сказать ей, что ты хотѣ и рѣдкое существо, но столько же лѣтнѣе, что отъ тебѣ иногда можно добиться отѣтвѣ, но самъ никогда на переписку не вывозишься, и что любишь, чтобы приятели твои вѣрили, что ихъ помнишь безъ всякаго, со стороны твоей, на то доказательства. Однако же, не шуты скажи, какъ можно такъ долгое время оставить безъ всѣхъ о себѣ извѣстій? Я даже и то хотѣлъ бы знать: на богоугоднѣйшии ты въ Кіевѣ или, наконецъ, почель за нужное навѣдаться о твоемъ имѣніи, которое въ той сторонѣ? Какъ человѣкъ обиженѣй къ жизни въ столицѣ, поѣти провинцию, и какъ ему она показалась? Или уже чувство страсти наклоняетъ къ набожности, которая, какъ помнится, не сильна была прежде.

Я здѣсь, по обязанностямъ моимъ, ближе вѣсъ къ церкви, ибо безпрерывно обороняюсь отъ ея присоединенія, и понимаю, что значило, когда обладала она имѣніемъ въ Россіи. Здѣсь не болѣе нашего локва духовенство, а достаточно очевидительно, что со священными хищниками нитто въ алчности сравняться не можетъ. Покойный Феофилактъ былъ знаменитый поборникъ церкви!

Извѣстный тебѣ Тимковскій¹⁾ служитъ со мною. И намѣренъ занять его изысканіями о разныхъ здѣшнихъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ, народахъ. Можетъ быть со временемъ появится какое-нибудь о нихъ описание, или, по крайней мѣрѣ, по недостатку удовлетворительныхъ историческихъ свѣдѣній, сообщатся какіе-нибудь любопытные отрывки. Исключительно, на первый разъ, займу я его обитающими въ предѣлахъ нашихъ калмыками и остатками монголовъ, нашими властелинами.

¹⁾ Егоръ Федоровичъ Тимковскій, извѣстный своимъ путешествіемъ въ Китай черезъ Монголію. М. П.

огорчаетъ, но и я бывалъ молодъ, и не такъ легко было привыкать къ подобному состоянію и познакомиться съ мысли, что съ таковыми надоѣло окончить жизнь. Теперь я въ семѣ отношеній не уступлю наилучшему изъ философовъ.

Прошай! Вѣрный по смерть А. Ермоловъ.

1822 г. Владикавказъ. 4-го августа 1822 г. Владикавказъ.

Любезный и рѣдкій братъ! Отправивши къ тебѣ письмо съ Поклонинскими¹⁾, я очень забытъ до сего дня было мнѣ вѣсъ тѣло. Теперь пишу съ трудомъ, но уже не имѣю причинъ опасаться болѣзни. Правъ ты совершенно на счетъ заведений при водахъ. Воюсь потери денегъ, не перестаю думать обѣ устройствѣ водъ, но нѣть у меня человѣка. Имѣю одного чудеснаго для сего предмета, но не могу безъ него обйтись въ Тифлісѣ, и на немъ лежать обширныя порученія. Хочу экономическую часть поручить Павлову, человѣку, конечно, съ рѣдкими и напающими правилами, и тогда за деньги бояться не буду. Не думай, рѣдкій братъ, чтобы желчь моя заставляла меня видѣть все съ худой стороны, и чтобы не любить и слышать правды. Это не справедливо, но надобно, чтобы основательны были дѣлаемыя предложенія и въ соображеніе взяты были средства мои. Въ доказательство, что желчь не всегда дѣйствуетъ, я не вижу даже много худаго изъ тѣхъ мероостей, которыхъ надѣжалъ мнѣ мудрый Лисавенчикъ. О Грековѣ жалѣю, и не знаю кѣмъ замѣнить его. Усталъ смертельно, прощай, писать буду къ тебѣ изъ Грознѣ. Не могу выразить досады, что тебя не увижу. Думаю, что чувство сіе способствовало усиленію болѣзни. Посты буду писать, послѣ. Вѣрный Ермоловъ.

Въ какой маленькой запискѣ, въ какомъ маломъ числѣ словъ, милая сестра сколько сказала правды. Кисловодскъ точно St.-Hiléne, и кто живѣтъ здѣсь, скоро уже девять лѣтъ, не мало заслуживаетъ состраданія. Еще несноснѣе подобная ссылка тому, о комъ и не вспомину впослѣдствіи. Знаменитому узнику была утѣшеннѣемъ слава! Нельзя безъ нѣкотораго геройства прожить въ здѣшней странѣ долгое время, и зна, что каждое дѣйствіе отравляетъ клевета.

Прекрасное предположеніе вѣте, что я отѣблалъ разными предлогами, чтобы не видѣться съ вами, отъ страха слышать правду. Это свойство господствующихъ, а я самъ подъ именемъ иноzemцевъ, и могу ли я, какъ они, бояться правды. Je suis un bien rauve Sire! А вы, мои единственныя близкіе, противъ меня!

¹⁾ Ник. Поклонинскій, молодой человѣкъ, служившій при А. П., съ которымъ вѣмѣтъ вѣхъ изъ Грузіи и затѣмъ вскорѣ умеръ. М. П.

Я переношу болѣшую часть прежней убийственной кавказской линіи въ мѣста прелестныя и здоровыя, работы у меня ужасны, средства пытконы.

Все идетъ медленно и съ пламеннымъ моимъ характеромъ несогласно. Живу здѣсь давно, ничего не сдѣлалъ и это меня мучить до крайности. Браните меня, предайте проклятію, но не становѣтъ терпѣнія и я бѣгу! Горестно оглянуться на шесть лѣтъ пребыванія въ здѣшней странѣ и ничего не произвести довольно онѣутительного, чтобы свидѣтельствовало обѣ успѣхахъ. Самому внимательному наблюдателю могутъ только быть примѣты перемѣнъ, слѣдовательно онѣ не велики, или еще при самыхъ началахъ. Вотъ, любезный и рѣдкій братъ, досадное состояніе нетерпѣливаго человѣка. Прошай! Увидишъ, если, превозмогъ лѣтъ, напишишь; не мало не удивлю, если по прежнему любить будешь. Поцѣлуй ручку у несравненной сестры. Вѣрный Ермоловъ.

1823 г.

8-го июня 1823 г. Тифлісъ.

Любезное существо, рѣдкій братъ! Благодарю за письмо съ по-слѣднимъ курьoremъ, хотя и безъ милосердія ругаешься. Хотѣть бы удовлетворить желанію твоему въ разсужденіи описанія здѣшнихъ народовъ, но сколько ни умѣроно оно, теперь сдѣлать не могу. Если бы даже одного было довольно извѣстія, гдѣ живутъ сіи чучелы, и то въ седьмъ случаѣ вкрались бы невѣрности, ибо не со всѣми изъ нихъ мы знакомы, а проживши здѣсь семь лѣтъ, издать въ публику пустое, признаюсь, не хочется.

Ты думаешь, что я мелочи пренебрегаю. Посмотри со вниманіемъ и увидишь, что по образу устройства нашего управления, едава-ли тѣмъ, кромѣ ихъ, заниматься возможно? Не весьма легкѣ выстать ты образецъ къ подражанію. Ты говоришь о безсмертномъ Петре и указываешь, что между великими дѣлъ его, имѣли мѣсто мелочи. Но знаешь ли, что у людей, у коихъ всѣ дѣйствія ничто иное какъ мелочи, они дѣлаются скучными. Не многимъ предостав-лены средства придавать имъ благородство дѣлами необычайными! Ты великодушно преднаречиваешь мнѣ: «положить всему начало, сдѣлать общую систему, назначить чemu быть черезъ 200 лѣтъ», какъ легко сказать сіе и какъ бы самолюбиво было съ моей сто-ронѣ почитать себѣ такого способнаго! Обратись къ другому предмету.

Ты не правъ въ разсужденіи Мошкова. Подарокъ, сдѣланній ему государству, не составилъ ему того, чтобы могъ онъ приобрѣсти, если бы имѣлъ способы видѣть и нарисованные, предать литографіи. Государь не платилъ ему за работу, но оказалъ благоволеніе, какъ

воспитаннику академии, почечеными которой получила онъ образование. Тамъ сдѣланы государемъ иззерки, но за нихъ нельзя требовать вѣтнѣй, даромъ, работы. Справедливо удѣлить ему часть изъ выгода, которая приобрѣтается продажею литографированныхъ видовъ по мѣрѣ издерженъ, которая вы на то употребите.

«Я хотѣла сказать мнѣніе мое, впрочемъ, если и ничего вы не дадите, дѣлать нечего! Не стану оправдывать его, чтобы лѣнить онъ не быть, ибо самъ его въ томъ упрекаю. Теперь, однако же, составляется онъ другую коллекцію видовъ, несравненно лучшихъ, нежели прежние, и для сего обѣзжаетъ горы.

Ты увѣдомляешь о приѣздѣ брата и сестры твоихъ къ водамъ кавказскимъ. Хорошо, что предупредилъ ты генерала Стала, и то боялся, что по множеству, въ имѣніи году, посѣтителей, трудно ему будетъ доставить имъ выгодное помѣщеніе, ибо всѣ дома заблаговременно разъѣзжены.

Теперь, по⁸ желанію твоему, объясняемся въ разсужденіи сестры моей. Начну благодарностию за великодушное участіе, которое въ ея положеніи мы принимаемъ. Точно, состояніе ея не представляетъ никакихъ надеждъ благородитъыхъ. Не можетъ не тгачить сердца моего неблаговоленіе къней родителя и вижу съ горестю, что щѣтны всѣ мои старанія склонятъ его къ прощению.

Ты не усомнишься, что въ разсужденіи недостатка ея, готовъ быть я и подать вскакую помощь, но извѣстна тебѣ мои средства, и я могу сообщить тебѣ, что кроме всѣхъ моихъ средствъ, жалованья, я ничего не имѣю. Не достаетъ мнѣ оного, и я потому только не вожу доселъ въ доли, что прожигаю пѣкоторые остатки, обереженные отъ званія послы, по коему получала содержаніе, могъ я сокращать то, что принадлежало мнѣ по мѣсту здѣшнаго начальника. Ты въ письмѣ твоемъ изрѣкъ уже приговоръ за эгоизмъ мой и не умѣстное честолюбіе. Въ первомъ заслуживаешь бѣзъ упрека, если бы могъ ты упомянуть хотя объ одномъ случаѣ, гдѣ я и мои только старался пользѣ, но самыя дѣйствія мои доказываютъ противное. Въ честолюбіи признаюсь, но его заключаю и въ томъ, чтобы ничего не просить и не получать не заслуживая. Сие необходимо потому, что усталость отъ трудовъ требуетъ отдохновенія и не хочу я, чтобы могли сказать, что и на самыя расточаемыя мнѣ награды не взирая, я неблагодаренъ и трудовъ и клеветуюсь. Я, можно сказать, наканунѣ того, чтобы кончить службу мою, могу ли принять награду, за которую заплатить не въ состояніи? Не мое это правило, и если кто осуждать меня станеть, конечно, многихъ будетъ имѣть за себя, ибо не

каждому выгодно руководствоваться подобными правилами, но это не значить еще, чтобы они были не хороши.

Вотъ слова письма твоего: „Подумай обо всемъ хорошемъ и напиши обстоятельно, но безъ всякаго вздора, смотри на вещь, въ какомъ она пытѣ положеніи и отнюдь ни слова отчего и какъ“. Въ семъ предложеніи, конечно, не то трудное, чтобы не говорить вздора, ибо иногда умѣю и избѣгать того, но странно требование, чтобы могъ я основать разсужденіе, не принимая въ соображеніе причинъ.

Подъ таковыми условіями не легко удовлетворить твоему желанію, а я признаюсь долженъ, что и не въ состояніи! Повторю тебѣ, какъ наилучшимъ изъ друзей, какъ человѣку благородиѣшему, что готовъ помогать сестрѣ всѣмъ, что собственно отъ меня зависитъ, что до стонѣ быть бы прѣрѣзъ, если бы думалъ иначе одну минуту. Къ ея услугамъ всѣ въ распоряженіи моемъ средства, но не могу выправливать чужихъ, а наче тогда, какъ чувствую, что права на нихъ не имѣю.

Не угрожай мнѣ прекращеніемъ твоей дружбы, довольно причинять горестѣ худое состояніе моего семейства и невозможность быть ему полезнымъ. Не знаю успѣхъ ли Арсений Андреевичъ¹) до отѣзда своего сдѣлать что-нибудь Павлову, но досадовать, что не можетъ дождаться его изъ Москвы. Онь избралъ надежду доставить ему мѣсто, но если уѣхалъ, то еще затруднительѣе будетъ положеніе ихъ! Прощай, и люби по прежнему. Вѣрный Ермоло².

Забыть о сопинѣ Броневскаго о Кавказѣ³). Досѣлъ не было обстоятельствъ описаний странъ здѣшней, и во многомъ столько достоинства, что трудно было бы поправить или сказать что-либо достовѣрнѣшаго. При таковыхъ начальахъ удобно будетъ кому-нибудь другому приобщить подробнѣйшія извѣстія. Тутъ отицѣши ты всѣ народы, коихъ издаются литографіи костюмъ.

Прибывшій фельдъегеръ доставилъ мнѣ письмо сестры моей, которая увѣдомляетъ, что кроме благосклоннаго расположения вашего, вы оказываете ей и самыя благодѣйства, позволяющи на время отсутствія брата твоего, расположиться въ его домѣ. Мазаровичъ⁴) же,

¹⁾ Арсений Андреевичъ Закревскій, тогда дежурный генералъ, бывшій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ А. П. Ермолоу.

²⁾ «Новѣйшія Географическія и Историческія свѣдѣнія о Кавказѣ», соч. Семена Броневскаго, 2 ч. Москва, въ тип. Селиановскаго, 1823 г.

³⁾ Мазаровичъ, Семенъ Ивановичъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ при

съ коимъ говорилъ ты о положеніи сестры, пишеть, что ты имѣешь великолѣпное намѣреніе доставить ей помощь. Знаю, что нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ просьбы. Государь все можетъ, но тѣмъ достойнѣе его благотворить женщинѣ собственно по ея бѣдности и даже крайности, нежели для того сдѣлать добро, чтобы наложить на меня новыя обязанности, тогда какъ и прежнихъ исполнить силъ не имѣю. Не понимаю, какъ ты это сдѣлаешь, но въ отдалѣніи буду, если войдешь въ разчетъ мнѣ собственно дѣлать милости и мнѣ за нихъ платить труда несноснѣшей моей службы. Сего принять на себя я не въ состояніи.

Теперь о другомъ:

Какъ покровитель артистовъ и со вниманіемъ вникающій въ таланты ихъ, скажи мнѣ твое мнѣніе о коллекціи портретовъ, гравируемыхъ почечеными живописца Довѣ. Мнѣ еще не случилось видѣть ни одного гравированнаго, но Закревскій присыпалъ мнѣ свой и оный литографированъ довольно искусно. Я, еще бывши въ Петербургѣ, подписался на пѣколько портретовъ и выставляю въ газетахъ, которые уже появляются въ публику. Посему узналъ я, что и я пропечатанъ Довѣмъ. Я отошу къ пѣкоторому сумасѣству его, желать взять за бѣсть мой по 50 рублей. Такъ дорого не платить и за людей необыкновенныхъ! Онь обманетъ жестокими образомъ, а мы, по уменіи вскорѣ цѣнѣ, узнаемъ, что они съ рукъ не сходятся. Странная мысль продавать мой бѣстѣ, тогда какъ желающимъ имѣть мой рожу гораздо удобнее получить ее напечатанную на листѣ.

Какъ у васъ первенцы неожиданны. Какъ могли вы разстаться съ Гурьевымъ¹?)? Грозитъ паденіе и О-ву. Неужели потерпѣть, чтобы кто-то величимъ симъ мужемъ вступить въ одинаковыхъ грабить права безъ отвѣтственности. Это было бы неблагодарно и не признателено величимъ его заслугамъ. Кто же послѣ трудиться захочетъ?

Воображаю Дибича²), который, конечно, земли не чувствуетъ подъ собою. Но сдавъ ли не вредно вѣльможамъ надолго отдѣляться отъ двора и допускать дѣлать къ другимъ привычку. Такимъ образомъ можетъ Волконскій не быть уже столько надобнѣмъ. Что сдѣлаете вы съ другими изъ сильныхъ, но пѣкоторыхъ изъ министровъ не опасно замѣнить худими. Прощай Ермоло³.

внимъ духъ по персидскимъ дѣламъ. Оставилъ службу почти одновременно съ Ермолоу. Женатъ былъ на Рибопеу.

М. П.

¹⁾ Графъ Д. А. Гурьевъ, министръ финансовъ при императорѣ Александрѣ Павловнѣ.

М. П.

²⁾ Занившаго, по случаю отѣзда начальника главнаго штаба князя П. М. Волконскаго, должность послѣднаго.

М. П.

1824 г.

Благодарю вѣсъ, почтенную и милую сестру, за пѣколько безънѣшихъ строкъ въ письмѣ брата. Я думаю и тѣмъ обязанъ вамъ, что его писать заставили, ибо лѣнъ имѣлъ овладѣть. Онь тогда только не чувствуетъ оной, когда бранитъ меня. Тутъ онъ и неутомимъ, и красноречивъ равнѣмъ.

Сестра моя увѣдомляетъ меня, съ какою благосклонностю вы ее приняли, и я, подобно ей, не въ состояніи выразить чувствъ признания. Ишу уѣхтишь себѣ, что не однимъ несчастнымъ состояніемъ своимъ, обращаетъ она ваше на себя вниманіе и пріятно мнѣ думать, что она будетъ умѣть сискать ваше благородное положеніе. Будьте къ ней милостивы и я не отниму у себѣ наслажденій, быть вамъ, почтенна сестра, благодарны. Если бы знали вы, что переносить бѣдная сія женщина! Кѣ скукѣ, которая сопровождаетъ жизнь мою, должна и прибавлять и горести семейственныхъ неустройствъ, я вѣщаю Петру Андреевичу уѣхтишь, что мнѣ и помышлять не позволительно о сокращеніи моего здѣсь пребыванія. Какія великолѣпныя обо мнѣ заботы! Побраните его за меня, если умѣете, а я неутомимъ выдѣлъ совершенно изъ послушанія.

Примите уѣхтишь въ неограниченномъ моемъ высокопочитаніи. Истинно преданный А. Ермоло⁴.

Сестрѣ вы подарили портретъ мой. Что пѣтъ необходимости имѣть въ дѣлѣ пугалица, я согласенъ, а живописецъ точно не употребилъ ни малѣйшей лести. Вижу торжество брата и сожалѣніе, что, лишился портрета моего, теряетъ выгоды сравненія!

22-го января 1824 г. Дагестанъ.

Рѣдкій братъ, Петръ Андреевичъ! Ты бы уже бранилъ меня, что я давно не писалъ къ тебѣ, если бы не равное также имѣлъ я на то право. Итакъ, о семъ ни слова!

Съ сентябрь мѣсяца я оставилъ Тифлисъ, живу между татарами въ Дагестанѣ, въ прегнусной деревнѣ, скукѣ ужаснѣшей. Такъ по большей части, провожу я восьмой годъ моего здѣсь пребыванія; но сей разъ счастливишь пріохъ, ибо, прибывъ въ Дагестанъ, кончили я возникшій мятежъ безъ выстрѣла; заставить признать власть нашу, тѣ изъ горскихъ народовъ, которые никогда намъ не покорствовали. Они дали аманатовъ (заложниковъ) и теперь повинуются. И вскорѣ выѣзжаю для обозрѣній мусульманскихъ нашихъ провинцій, и, конечно, не для пріятнѣйшей жизни. Присылайте другаго наслѣдника симъ вождѣннѣмъ состояніемъ! А вы насъ совсѣмъ уничтож-

вамъ, что благодарный за благосклонность къ сестрѣ моей, храню я къ вамъ чувства совершенѣйшаго и искреннаго почтенія. А. Ермоловъ.

24-го мая 1825 г. Тифлис.

Любезный братъ, рѣдкое существо! Въ ожиданіи свиданія съ паслѣдникомъ Персіи, я терялъ надежду застать тебя на водахъ, но перемѣнились обстоятельства, и я тебя увижу. Глупые персіяне, отвергая сдѣланныя мною границы предложеній, доставляютъ мнѣ сіе удовольствіе.

Междѣ тѣмъ, хочу сказать тебѣ нѣсколько словъ прежде свиданія, какъ изъявившему готовность (по точнымъ выраженіямъ послѣднаго письма твоего) ругаться, если что найдеть не соотвѣтствующаго твоимъ желаніямъ. Прежде надлежало бы определить мѣру желаній сихъ, соразмѣрить ихъ способами, отъ меня зависящими и не ожидать отъ меня того, че другой на мѣстѣ моемъ, съ равными средствами, также бы исполнить не было въ состояніи. Тогда укоризна справедливыя были бы, если бы что упущено было отъ нерадѣнія, но если еще ожиданія превосходятъ и саму мѣру моихъ способностей, то винитъ правительство, неизбирающее людей, болѣе годныхъ для исполненія его видовъ. Вопросите его, дали ли онъ въ руководство какое-либо начертаніе, по которому бы судить можно было объ уклоненіи отъ его намѣреній. Ругаться столько же не трудно безъ основанія, какъ легко обижать несправедливо!

Ты, будучи на водахъ празднѣмъ, конечно, изъ любопытства пожелалъ собрати нѣкоторыя сѣдѣнія о странѣ и столькихъ различныхъ племенахъ. Жалѣю, что не будетъ моего Вельяминова, котораго долговременное пребываніе довольно познакомило, и онъ могъ бы, во многомъ удовлетворить тебѣ. О мусульманскихъ земляхъ, лежащихъ на подошвенной сторонѣ Кавказа или ханствахъ Шекинскомъ, Ширванскомъ, Карабахскомъ, въ которыхъ вѣръ я русскому управление, можетъ дать тебѣ сѣдѣніе, служащий при мнѣ по части пограничной, коллежскій совѣтникъ Нагибинъ. Менѣе его времени находится при мнѣ надворный совѣтникъ Устимовичъ, но, болѣе образованный, дасть тебѣ извѣстія, занимателныя и съ большемъ связью. Прошу познакомиться съ коллежскимъ совѣтникомъ Ребровымъ¹), та найдешь въ немъ человека, весьма умнаго,

петербургской Дау, гравироваль Т. Рейтъ. Величественно грозная фигура Ермолова поставлена бокомъ, онъ опирается на шашку, на мундирѣ нахищута булава; на заднемъ планѣ скалы, надѣ головой нависли тучи. Экземпляр этой гравюры (напѣ довольно рѣдкой) имѣется въ нашемъ собрании. Ред.

¹⁾ Алексѣй Федоровичъ Ребровъ, известный на Кавказѣ ходинъ — шелководъ. Былъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Кавказской области. М. П.

и конечно, о Кавказской области никто основательнѣйшихъ сѣдѣній не имѣть, и ему извѣстны многія изъ моихъ предположеній. О военныхъ дѣлахъ тебѣ поговорить не съ кѣмъ. Ты ѿдѣшь въ нашу сторону, конечно, не вскака хорошо о ней предупрежденный, но взгляни на нее пристально и ты можешь разсѣять многихъ другихъ предубѣждѣній, которыхъ не мало вредить ей. Весьма досадно, что будучи такъ близко отъ Грузіи, ты не увидишь земли, во всѣхъ отношеніяхъ превосходной, и которую нельзя сравнить съ гиусномъ Кавказской линіею.

Поклонись отъ меня любезнѣй сестрѣ, достойнѣйшей супругѣ твоей! Проща! Вѣрный Ермоловъ.

12-го июля 1825 г. Тифлис.

Любезный и рѣдкій братъ! Давно слухи, что ты на водахъ и не было извѣстія вѣрного, но письмо отъ 21-го июня, вице-губернатомъ доставленное, весьма однако же медленно, удостовѣрило наконецъ, что воды наши напоили существо ѿдѣло. Досадно, что проклятый дѣла меня здѣсь удерживаетъ и что я уже не съ вами. Еще болѣе досадно будетъ, если только, предъ самыми отѣзданіемъ, вѣстъ застанетъ.

Благодарю за Воейкова¹), который увѣдомляетъ меня о благосклонномъ приемѣ ему, тобою сдѣланномъ, и о ласкахъ, которыхъ его удостоилъ. Справедливо замѣтилъ благородѣйшій его свойства и мы все таковы его знаемъ. Не знаю, почему не понравились тебѣ другие. Они имѣютъ также хороши стороны, хотя во многомъ не похожи на Воейкова.

Познакомясь съ Ребровымъ. Несмотря на странности человѣка, безъ воспитанія, ты найдешь въ немъ хороший, основательный умъ и лучшій о край сѣдѣнія. Это живой архивъ. Догадываюсь, что Устимовича ты уподобилъ Тимковскому, но между ними есть разница. Первый не имѣетъ тѣхъ гиусныхъ свойствъ неблагодарности, которыми повсюду отличается послѣдний. Впрочемъ, мнѣ надобенъ человекъ, для службы годный, хотя бы ко мнѣ и не имѣлъ большойѣ пѣкности.

Устимовичъ способенъ и въ должности мудрено быть усердіе. Нагибинъ флегматъ и не скоро понравится, но достоинъ уваженія честностью правилъ. Сей выигрывается, когда короче узнаютъ его!

Читалъ письмо твоє къ Роману Ивановичу²) и удивляясь не умѣству употребленному тобою выраженію: „Славнѣ бубны за горами“.

¹⁾ Николай Павловичъ Воейковъ, адъютантъ Ермолова. ²⁾ Романъ Ивановичъ Ховенъ, тифлисский губернаторъ. М. П.

измѣнѣй, вздумалъ взять глаївѣйшихъ виновниковъ. Не могъ отклопнить его Грекова, представляемый, что не прилична мѣра сія и не время еще употреблять строгость и розысканія, отъ не послушала. Двое преступниковъ, вызванные изъ толпы, представали съ покорностю; но когда взяли третьаго, они бросились на Лисаневича съ книжаломъ и его ранилъ смертельно, Грекова же убилъ однимъ ударомъ. Истребили убийцу, но это не запатала за достойнаго Грекова!

Увидя происшествіе проче аксаевцы бросились бѣжать, но ожесточенные солдаты, возбужденные сверхъ того приказаниемъ Лисаневича колоть ихъ, истребили ихъ на половину, большую частью обозоруженныхъ. Прекрасныя и благородѣйшія дѣйствія Лисаневича. Я, въ донесеніи императору, ничего, по обыкновенію, не скрывая, признался, что еще одинъ на линіи начальникъ — подобный Лисаневичу и хѣла наши надобно будеть исправлять не малыми пожертвованіями. Прогнали я сюда Дениса Давыдовъ¹), но мнѣ не разъ отказали, думая, что въ сорокъ лѣтъ онъ такъ же погѣса, каковымъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ, хотя и тогда онъ имѣлъ не бывалъ для того, что коротко знавалъ его.

Государю нельзѧ знати всѣхъ генераловъ и потому назначилъ онъ Лисаневича, которого вѣрою хорошо ему рекомендованы. Если бы зналъ онъ, что могущественный Дибичъ, желая избавить друга своего, генерала Рота, отъ Лисаневича, совершилъ бесполезнаго, представилъ его для помѣщенія на линію, думая, ²⁾ бытъ былъ доволенъ.

Желая мнѣ вредить, не надобно вредить службѣ государя!!!

Не станть меня, другъ любезнѣйшаго, если бы даже и болѣе быль и способныи, когда такихъ будуть давать мнѣ помощниковъ, и когда я только то и долженъ буду дѣлать, что исправлять ихъ ошибки. Отъ меня нельзѧ требовать сильнѣ монхъ, а я не стыжусь признаться, что мнѣ, по неблаговоленію сильныхъ, дѣлается затруднительнымъ мое положеніе.

Ожидаю, что дѣла здѣшнія будуть разглашеніями доведены до государя въ прекрасномъ видѣ и, конечно, далѣкій отъ истины, и во всѣмъ, обикновенно, долженъ и быть виноватъ одинъ. Государь также долженъ будеть вѣрѣть какъ и добродѣлѣямъ Лисаневича, и меня ожидаетъ пріятная перспектива.

Надобно быть моего характера, чтобы не терять доброй воли къ службѣ и я могу убѣдить тебѣ, какъ рѣдкаго моего друга, что знаю вымыслимымъ на мой счетъ мерзости, я берусь всегда за дѣло съ

¹⁾ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, партизанъ и поэтъ.

М. П.

²⁾ „Русская старина“, т. VI. 1872 г. ноябрь.

34

Несчастное происшествие, какъ слышу, заставило отложить коронацію, но меня мучить, что и совсѣмъ тѣмъ я прѣѣхать не могу, ибо не смѣю, въ настоящихъ обстоятельствахъ, отдѣлиться отъ моего мѣста. Чувствую, что для меня, не менѣе какъ для самихъ дѣлъ по службѣ, было бы сїе необходимо.

Желалъ бы я, чтобы мнѣ позволено было прѣѣхать когда то могутъ безъ ущербъ должности.

Вспомнишь ли ты, что говорилъ мнѣ о садовникахъ для минеральныхъ водъ. Я понимаю, что онъ нуженъ, но теперь, видѣвъ множество прелестныхъ полевыхъ цветовъ, которые бы впрочемъ украсили могли великолѣпные цѣлѣнки ваши, и начинаю вѣрить, что можно къ нимъ пристраститься.

Вижу, что уже готовъ ты съ требованіемъ, но я отражу невѣжествомъ. Не знаю, кому бывають въ луковицахъ, которые въ сбояхъ, и когда собираются то и другое. Итакъ, обратись къ профессионѣсту.

Скажи, за что болыя единственная и милая сестра моя Марія Ардалионовна? Ты скажешь, что не помогли воды кавказскія, а мнѣ позволительно ли спросить, почему помочь не умѣютъ искусные врачи столицы? Я тоже нѣсколько лѣтъ кара и думаю, что не мнѣшало бы оставить, на пѣкотъ времена, прекрасный климатъ ваши и, вырвавшись изъ болота, подышать чистымъ воздухомъ въ деревнѣ. Нѣсколько жизни безпечной, средство цѣлительное!

Скажи милой сестрѣ мое совершенное почтеніе. Прощай, люби по прежнему.

Не беспокойся за меня, не вѣрь недѣльнымъ слухамъ; вѣрь одному, что за меня никогда не покраснеешь! Вѣрный по смерть А. Ермоловъ.

1827 г.

6-го августа 1827 г. Орелъ.

Любезный и рѣдкій братъ, Петръ Андреевичъ. Жалѣю, что путешество твоё въ Ревель, лишило меня удовольствія писать къ тебѣ; еще болѣе жалѣю о причинахъ путешествія твоего. Что сдѣжалось съ сестрою, которой подобныхъ мало! Порадуй, если понравилось ей здоровье.

Тебѣ г. Мазаровичъ все скажетъ, относившись до меня. Онъ былъ въ Тифлѣ послѣднее время моего тамъ пребыванія и ты услышалъ множество странныхъ вещей.

Продолжительно было бы описание всего, но изѣто вкратце писать я А. А. Закревскому и просить его показать тебѣ письмо мое!

мнѣ заключеніемъ, присоединили и то, что я очень поглупѣлъ. Прощай! Попѣлъ руину у чудесной сестры моей, которая, въ письмахъ твоихъ ко мнѣ, присоединила всегда пророчество на мой счетъ и которая сбывались непремѣнно! Пришли нѣсколько хорошенъкіхъ рисунковъ для шкафа въ библиотеку, но прошу не слишкомъ вѣваться въ маjestoso. Вѣрный Ермоловъ.

12-го октября 1827 г. Орелъ.

..... Удивляетъ меня, что дѣла въ Персии идутъ совсѣмъ успѣшно. Однако же, если, какъ ты уѣзжали, попѣли Паскевичъ со 30 т. прямо въ Тавризъ, онъ дасть оборотъ дѣланъ. Я думаю, что если персы встрѣтятъ его на пути, то онъ не будѣтъ имѣть битвы кровопролитной; Тавриза же, ожидаю, они защищать не станутъ и онъ войдетъ въ оный безъ препятствій, и тамъ ничего не найдеть изъ всѣхъ европейскихъ заведений, т.-е. онъ разрушитъ пустынныи литеинаго дома и личнотої ружейной фабрики, которая еще въ младенчествѣ. Я бы на мѣстѣ Аббас-Мирзы въ опустошеннѣ Тавризъ открылъ дорогу, подослалиъ бы людей съ просьбою, чтобы онъ послѣднихъ освободить ихъ, какъ недовольныхъ правительствомъ и болицкими за то наказанія, а самъ атаковалъ бы на Аракѣ переправу, ее уничтожилъ и насыпалъ бы на хвостъ арміи, и разорълъ бы транспорты съ продовольствіемъ. Паскевичъ не найдетъ въ Адербиджанѣ средствъ существованія, ибо ихъ истребить возможно и долженъ будѣтъ возвратиться назадъ. Приближается время, въ которое чрезъ горы, на границѣ лежащія, дороги сдѣляются неудобными, транспорты будутъ двигаться весьма медленно и всикое предприятіе подтверждено будетъ многосложными соображеніями. Еще бы занесъ перо, но вспомнилъ, что не мое дѣло разсуждать о семъ, когда я призываю за неспособнаго человека.

Не дай Богъ, чтобы узналъ графъ Дубичъ! Прощай, прочти письмо мое Закревскому, чрезъ Мазаровича посланное. Вѣрный по смерть Ермоловъ.

Октября 1827 г. Орелъ.

Почтеннѣйшая сестра, Марія Ардалионовна! Сестра Анна Петровна доставила мнѣ письмо ваше, и не взяла на наслѣдки ваши, что я просилъ вѣстъ о милостивомъ къ ней расположѣніи, мнѣ не менѣе приятно благодарить за то, что вы ей оное оказывать изволили. Она безъ слезъ не говоритъ мнѣ обѣ вѣстъ, и едва ли удовольствіе видѣть меня въ состояніи смигнить горесть разлуки съ вами. Жить близко

Ты не удивишься, ибо изѣто ничего нового подъ луной! Можетъ быть найдешь не совсѣмъ справедливымъ поведеніе могущественныхъ людей противъ меня, но и сїе весьма обыкновенно, какъ и то, что неправшихъ меня увидимъ паденіе въ свою очередь. Разница въ томъ, что меня давно престало баловать счастіе и перемѣна положенія моего не постигла меня внезапно, что съ другими можетъ случиться иначе!

Я здоровъ, живу со старикомъ моимъ въ деревнѣ, нашель его уже слабыми; но, сколько могу, служу ему утѣшениемъ. Привыкаю къ новому состоянію моему и, благодаря Бога, нахожу средства быть имъ доволившимъ. Давно разстался со многими мечтами и ближайшее разсужденіе о нихъ обуздываетъ прежнія лѣти молодыхъ страсти. Церкви злодѣя — честолюбіе, гонки изъ обиталища моего; рѣдко уже бѣсѣдуешь со мною лѣстивая подруга-падиѣда и я очень хорошо разумѣю, что жизнь скопокая, безизвѣстная есть моимъ судьбомъ! Не время дѣлать новые связи, новые знакомства; счастливъ буду, если сохранию прежнія и въ числѣ маломъ мнѣ достаточныхъ. Люблю меня по прежнему и обѣчай, въ утишнѣи мнѣ, что я тебя увижу. Хотѣлъ бы видѣть твоё семейство, моихъ родныхъ, но где и когда?.... Я буду въ Москвѣ зимой, ты въ Москвѣ не бываешь. Въ Петербургѣ мнѣ быть не заѣмѣшь! Вельяминовъ¹, обитатель Тулы, соѣдѣнъ мой, пускается отъ кавказскіхъ водъ и вскорѣ здѣсь будетъ и это ближайший мой знакомый. Здѣсь я иностранецъ, вышедшій на берега африканскіе. Какъ все пусто, какъ дико! Люди съ состояніемъ живутъ въ станицахъ; съ умбрѣнными — приступаютъ по деревнямъ удирать на падиѣда и наше городѣ Орель кажется взятымъ штурмомъ ябданниками и подъѣчими.

Не взирая на все сїе, ястро каменный двухэтажный домъ въ городѣ. Не пугайся, онъ въ фасадѣ имѣть до 6-ти саженей и будеть вѣтъ въ себѣ три небольшия для меня комнаты и три, въ коняхъ расположится не весьма многочисленная моя библиотека. У меня есть изрядныи книги, которыи имѣтъ съ тобою приобрѣтали мы въ заграницы нашихъ прогулкахъ. Найду какое-нибудь упражненіе, но жалѣю что писать ничего не въ состояніи и соглашаюсь съ тѣми изъ доброволательствующихъ мнѣ, которые, ко многимъ другимъ обо

¹⁾ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, бывшій начальникъ штаба кавказскаго корпуса, вице-губернаторъ Кавказской линии, известный своимъ хладнокровіемъ, стойкимъ характеромъ и отличными военными познаніями. Вельяминовъ умеръ въ чинѣ генерал-лейтенанта. Императоръ Николай Павловичъ окончилъ его заслуги, пожаловалъ Алексѣю Александровичу, за нѣсколько дней до его кончины, Владимира 1-й степени. М. П.

васъ, сдѣжалось для нея потребності, и никакъ болѣе не жалѣль, что Алексѣй Александровичъ¹⁾ оставилъ службу.

Вы меня просите къ ней не заставить меня употребить всѣ возможныи средства къ ея успокоенію. Не такъ легко ладить со стариками, что думай, я и вѣя, милая сестра, и вѣя нѣсколько знаете. Могло занятье мое прежде службою и долговременное отсутствіе много мнѣ препятствовать, но теперь, будучи свободныи, близко къ отцу моему, конечно, не упнуши и ни одного случая, чтобы обратить ею къ ней нѣжность. Уѣренъ, что не нужно въ томъ никакихъ усилий, судя по удовольствію, съ которымъ встрѣтила онъ сестру. Итакъ, почтеннѣйшая Марія Ардалионовна, по благосклонности къ сестрѣ, будьте на счетъ ея покойки.

Въ самомъ дѣлѣ, вы проницательны въ выборѣ людей по ихъ способностямъ, назначаемъ мнѣ должностіе при братѣ, Петрѣ Андреевичѣ. Требуючи умѣстнѣйшихъ способностей, конечно, не приму я на себя, какъ-то учиться экономіи, домуустройству, ибо я поглупѣлъ очень, какъ вѣроѣуже слышали. Если же хотя мало усомнитесь въ томъ, то я представлю убѣдительное свидѣтельство графа Дубича и многихъ другихъ, благоговѣющихъ ко мнѣ особѣ. Но сохраниль я еще нѣсколько силъ и нахаремъ буду усерднѣй, подъ хорошимъ руководствомъ.

Вы настращали меня вашими пророчествами. Вы предсказали мнѣ удаленіе, или справедливѣе называть, изгнаніе изъ службы, но теперь, обращая меня къ землемѣрю, вы не вселяете въ меня страха. Не правда ли, что можетъ называться счастливымъ тотъ, которому нечего бояться? И глупость моя не мало способствовала будѣтъ счастію. Ей благодари, не станутъ называть меня либераломъ, карбонари и видѣть по мнѣ человека, стремящагося нарушать порядокъ. Но что будетъ и со многими другими, когда съ тою же прозорливостію будуть разматривать ихъ способности? Неужели одинъ я долженъ быть поглупѣть, и такъ поздно сїе примѣтили. Подсмотрѣть вноскѣдѣстѣвіе тоже и во многихъ нынѣшихъ мудрецахъ и избранныхъ.

Однако же позвольте мнѣ спросить васъ, милая сестра, когда могу я надѣяться увидѣть москву Seigneur du village. О вѣстъ не смѣю я думать, ибо вижу, что со столицей не легко вѣстъ разставаться. По мнѣнію нашему, жителей деревенскіхъ, могъ бы чистый воздухъ, движеніе, поправить здоровье ваше. Подумайте о семъ; можетъ быть, вѣсъ хотя слушаѣ, вы не найдете мнѣи мое глупымъ... Прощу

¹⁾ Павловъ, мужъ сестры Ермолова.

покорѣйше сказать мое совершенѣйшее почтеніе Екатеринѣ Васильевнѣ и искреннюю благодарность за благосклонное расположение къ сестрѣ моей.

Имѣю честь быть съ чувствами истинной приверженности и отличного поченія душевно-преданный Алексѣй Ермоловъ.

Что скажете, однако же, о докторе Вольском? Он смеять любить меня и даже желать одолжить меня, предлагая мне пристанище в своем доме. Это не менее как героинь в отношении к человеку в моих обстоятельствах! Не скажу ли я это, какая человек умный, что если излечивал он меня от болезни, может возвратить мне и прежней умственных способности.

26-го декабря 1827 г. Орель.

Почтенная и милая сестра, Марія Ардабіоновна! Чудесно счастливая мысль прислать сукно на сертукъ, ибо не только буду я имѣть щегольской, но избавлюсь насыпшись, которая, конечно, вызывалъ бы и собственныхъ вкусымъ. И готовъ уже былъ выбрать какой-то антверпенскій цвѣтъ и появится въ свѣтъ въ этой мистеріи. Уже въ тяжкихъ спорахъ были мы съ Анною Петровной, а какъ теперь мнѣ, отставному, повелѣвать некѣмъ, то я находилъ удовольствіе, по крайней мѣрѣ, ее не слушать. Но въ то время, какъ исполненъ я благородности за сукно, напущанъ рисункомъ, по которому и долженъ быть одѣтъ. Огромная фигура моя (умолчу что не всесмыловака) не можетъ имѣть стройной талии, которая требуется. Я рѣшился, несмотря на 50 лѣтъ, прибѣгнуть даже къ корсету, но и въ семь случаевъ, не думаю, чтобы изъ меня что-нибудь вышло. До такой степени сдѣлялся я ни въ чѣмъ негодникомъ! Въ рисункѣ изображена шапка дикаго цвѣта. Говорили же прежде, что это цвѣтъ людей подозрительныхъ правилъ и я сдогоднулся. Впрочемъ, простите человѣку, долго жившему въ глупи, если не довольно знаетъ, какъ могутъ часто перемѣняться моды. Однако же, по боини прежніхъ толкъ, не пущускаю я на шапку, подобного цвѣта! Если, согласно съ рисункомъ, будетъ въ петлицѣ роза, я надѣюсь, что вы не почтите, что я ишу собственное изображеніе. Много стоитъ спромотности моей, когда начальному даже косятъ красоты моей. Замѣтите, что выше сего я говорилъ только о недостаткахъ.

Итакъ, я одѣтъ по послѣдней модѣ, но сего недовольно, надобно, чтобы вы меня видѣли и потому надобно весело ходить въ деревню, куда я тотчасъ явлюсь. И на возвышеніи на свой счетъ, чтобы бѣзѣда моя способствовала вашему выздоровленію—не могу покорить всегда

излишней скромности—но буду умѣть отнести оное къ чистому воз-

Много люблю я Вольского, уважаю искусство его и приобретенную знаменитость, но смыть бы сразиться с ним, если не совместить она испытать жизнь деревенскую. Вздоровливайте, любезная сестра, и намъ, любящимъ васъ, будетъ веселѣе!

Братья съ нѣкотораго времени, возгордясь икою мій не пишетъ; я ищу ему и недоволенъ присланными имъ рисунками шафова. Не шуты, однако же, скажу, что они точно весьма обыкновенны и ничего замысловатаго въ себѣ не имѣютъ. Братья лучше меня знаютъ, что простота наиболѣе приближается къ совершенству, что не одно великолѣпье составляетъ красоту, но вкусы можетъ замѣнить очу. Въ рисункахъ, имъ присланнныхъ, совсѣмъ есть послѣднаго. Вижу, любезный братъ, что сердцемъ не справедливъ долженъ на себя, ибо, конечно, не обратилъ вниманія на рисунки.

Продолжите мнѣ расположеніе ваше, мое почтеніе къ вамъ будеть и совершеннымъ, и вѣчнымъ. Покорнейший слуга Алексѣй Ермоловъ.

1828 г.

Февраля 1828 г. Москва.

Почтеннейший Петръ Андреевичъ! Изъ Москвы не писалъ я тебѣ, не имѣя вѣрнаго случая¹⁾). Я пріѣхалъ сюда за пять дней до масленицы и между родными, которыхъ довольно скѣжалось здесь, проѣзжала довольно скучно; кромеъ ихъ, знакомыхъ мало и я почти никогда не бываю. Особеннаѧ у меня пріязнь есть книгоиздателями и перепечатчиками. Быть, однако же, раза три въ театрѣ и два раза въ собраний, где любопытная публика смотрѣла на меня съ нѣкоторымъ вниманіемъ или какъ на изгнаника, или какъ на человѣка замѣчательного щедримъ пенсиономъ, который данъ безъ большихъ заслугъ. Словомъ, и столько же было бы любопытствъ въ отношеніи къ другому въ равныхъ обстоятельствахъ. Не знаю, что еще выдумаютъ на моя счетъ доброжелательствующіе мѣръ, но скромнѣе и осторожнѣе вести себя, конечно, невозможно! Виноватъ ли я, что обращаются за мена глаза и самыя происшествія въ Персіи. Всѣ го-вортятъ, что пѣтъ мира, а пѣкоторые смытъ думать, что Насеевичъ обманутъ, и будто не было бы хуже и при мѣрѣ. Нельзя воспрѣтить мысли! Вспомнъ собственные слова твои: „странуши торжество твоего“, я не могу желать сего, но, конечно, не все идетъ наилучшимъ образомъ! Постмотримъ на конецъ дѣла!

⁴⁾ Податель письма г. Мацневъ, весьма порядочный человѣкъ, призаслан
его. А. Е.

Здесь хлопочу я ссыкать учителя моим ребятинкам и слѣдую совершило твоему совѣту. Сестрою говоримъ обѣ вѣсъ, она сообщила мнѣ утѣшительное извѣстіе, что весною намѣривается выѣхать въ Рязанскую деревню. Прославленіе Вольскаго, что онъ вами сіе совѣтуетъ и ожидаю величайшей пользы!

Ты желалъ, чтобы написалъ письмо и я исполнилъ мысль твою. Посылаю тебѣ концію. Достоинство его есть истинная благодарность, впрочемъ, у мѣста и враткость. Сдѣлай дружбу, прикажи отдать письмо, у него включаемое, книгодавцу Вейберу. Лучше еще, если дашь ему знать, чтобы онъ къ тебѣ прѣѣхалъ. Ежели достанетъ онъ требуемыхъ мною книжекъ, то возьми ихъ къ себѣ и сохрани до отѣзда твоего въ деревню, гдѣ я получить ихъ могу. Ихъ немнога и они тебе не обезпокоятъ. На поѣзд же отправлять ихъ невозможнѣ.

Достойнѣйшій Маркѣ Арадлоновнѣ мое совершило почтеніе. Прощай, любезнѣйший братъ, продолжи миѣ твоё лестное для меня расположеніе. Благодарю за милостное расположеніе къ Талызину¹⁾, Не знаю, за что гонитъ его несчастіе? Неужели, дѣла вредитъ мнѣ, надобно было и его рѣзать. Прощай! Душевно-преданный Ермоловъ.

25-го февраля 1828 г. Москва.

Почтеннѣйший братъ, Петръ Андреевичъ! Не хочу пропустить вѣрнаго случая, не писавъ тебѣ. Впрочемъ, я писалъ уже обо всемъ прежде и подробно.

Здесь я живу между родными, а далѣе—знакомство мое съ книгодавцами и переплетчиками. Вчера былъ въ концертѣ, любовался на красавицъ, удивлялся многочисленности народа. На меня смотрѣть, вѣроятно, замѣчали, какое производить на меня вліяніе извѣстія о мире съ Персіей. Конечно, происшествіе неожиданное, такъ скоро, особенно послѣ деклараций, принесенныхъ въ газетахъ о разрывѣ, довольно поспѣшно составленной, и, можетъ быть, неосторожно. Цѣлую руку единственной сестры. Прощай! Душевно-любезнѣйшій Ермоловъ. Приласкаѣ бывшаго адъютанта моего, Новикова, котораго рекомендую отлично.

(Особая записка). Любезнѣйший братъ, Петру! Податель письма сего есть репрезентантъ цѣлаго семейства, состоящаго изъ десяти братьевъ, всѣхъ служащихъ государю. Выслушавъ терпѣливо кровную ихъ нужду и суди по добротѣ сердца твоего. У римлянъ удивлялись погибель въ одинъ день фамилии Фабиевъ. Въ одинъ день могутъ и у насъ лѣчъ 10 родныхъ братьевъ, за славу своего государя. Прошу тебя за нихъ.

¹⁾ Талызинъ—дежурный штаб-офицеръ въ штабѣ А. П. Ермолова.

М. П.

въ мои лѣты смѣнило и едва ли возможно, и лѣтъ соразмѣрныхъ красавица не будетъ понимать сего; свыкаться поздно, или, по крайней мѣрѣ, безполезно для кратковременного пребыванія, въ семь мѣрѣ, и такъ остается собрать единственнымъ плодъ умѣленной женитбы: колики, спазмы, подагру и прочія подобныя наслажденія, сопровождающія старость. Какъ сладостно замѣнять горячій поцѣлуй подогрѣтого припрака; обѣятия нѣжныя, опоясаныя иластриремъ! И вы, безцѣнныя піавки, вы первѣко способствовать будете къ продолженію счастливаго существованія нѣжныхъ супруговъ! Не пустимъ Вольскаго въ храмъ любви, да не скратитъ горячихъ дней нашихъ! Здѣсь у мѣста принаровить текстъ изъ цыфра сестры: „но гдѣ ему такое умное дѣло сдѣлать“. Готовъ на ужаснѣйший возвращеній и ожидаю тебя, любезнѣйший братъ, со всѣмъ твоимъ дѣлактикомъ! Вижу во гнѣвѣ сестру, раздраженнѣй противъ меня описанными красотами моихъ, особенной ловкости въ новомъ костюмѣ. Алексѣй Андреевичъ, въ пользу твою, конечно, поклоняясь братскому любовью, но она смущена была красотою моей и твоей не поставилъ впереди! Я не виновата въ этомъ и, право, не тишеявлюсь, дѣлая побѣды; я, можетъ быть, и не примѣтила бы того, еслибы о томъ сестра не написала изъ зависти. Меня всегда отличала скромность! Однако же и во гнѣвѣ вашемъ я люблю вѣсть, достойнѣйшую сестру, и цѣлую руки ваши. Не сердись, братъ любезнѣйший, что не попалъ въ посанженіе отцы. Прощай! Душевно-преданный Ермоловъ.

Дорога исправляется и я чрезъ недѣлюѣду. Какъ наскучила мнѣ здѣшняя праздная жизнь!

1832 г.

14-го августа 1832 г. Москва.

Любезнѣйший братъ, Петръ Андреевичъ! Совершило нечего писать, но совсѣмъ пропустить случай, а особливо такой, какъ представляется.

Я по прежнему не вѣсимъ здоровье, все лѣто прошло въ ненастной погодѣ и холодаѣ и я не могъ употребить леченія, которое должно было предшествовать употребленію ваннъ, а потому и сіи послѣднія отложены. Теперь я въ Москвѣ остановленъ ежеминутными ожиданіемъ великаго князя Михаила Павловича, ибо не ловко уѣхать въ деревню. Говорятъ, будто и государь, на возвратѣ изъ путешесствія, пройдетъ чрезъ Москву, но вѣрно никто не знаетъ когда.

По словамъ Алексѣя Андреевича, ты любезнѣйший братъ, замѣрвавшился отправиться въ Петербургъ, такъ чтобы дѣлать туда хорошими временемъ. Не вижу необходимости торопиться, ибо, благодаря проссе, дорога повсюду чудесная, а погода мало имѣеть на ону вліянія. Впрочемъ, не безполезно имѣть нѣкоторыя сѣдѣнія, ибо

я видѣлъ слезы солдата и ты увидишь, что ихъ вирываетъ не собственное, но цѣлаго семейства бѣдствіе. Братъ по гробъ Ермоловъ.

На оборотѣ: «Его превосходительству Петру Андреевичу Кикину». 15-го апреля. Москва.

Любезнѣйший и рѣдкій братъ! Получилъ письмо твое и благодарю за увѣдомленіе о моей женитѣбѣ, ибо могъ бы и и совсѣмъ о томъ проѣвѣдать.

Женщина, точно весьма достойная и привлекательная для всякаго желающаго женитѣться. Я видѣлъ ее одинъ разъ, два мѣсяца тому назадъ, встрѣтившись на знакомомъ обѣдѣ. Ты знаешь, какъ я ловко между незнакомыми людьми, особенно женщинами, къ которымъ я подойдѣй и умѣю—и такъ и не знаю даже звука ея голоса! Не понимаю, изъ чего заключить возможно, что я ишу на ней женитѣся. Ты, любезнѣйший братъ, желаешь сего, боишься портить упрямства моего, а сестра говоритъ: „но гдѣ ему такое умное дѣло сдѣлать“. И вотъ мое разсужденіе: всякий человѣкъ, въ 51 годъ, есть весьма плачевнѣй Адонисъ, и я не удержался бы отъ невыгоднаго заключенія о томъ, кто въ подобныхъ лѣтахъ вдумалъ бы женитѣться; а самого себя умѣль бы и видѣть смѣнѣніемъ. Какъ же добровольно породить такое въ себѣ чувство. И богоугодилъ бы жену, любящую пламенно, но не въ мои лѣта человѣкъ удобенъ возжечь подобное чувство; меньшей степени любовь и не довольствуютъ! Благороднѣйшіе должно указать жену лѣта соразмѣрныхъ. Въ таковой ли можетъ быть священный огонь любви? Раг сопушеніе я составляю только партію въ вѣсть. Итакъ, не знаю, болѣе ли меня вы правы, дѣлая мнѣ приговоръ на женитѣбу. Также какъ и вы, разумѣю и ее естественнѣйшимъ предназначеніемъ для человѣка: убѣрите, что сладостно возвращаться въ дѣтства, вижу, сколько въ лѣтахъ, иломающихся къ старости, горестно одиночество, но хорошо, еслибы о семъ напомнили вы мнѣ по ранѣ. Долго увлекаемый любовью къ военному состоянію, и страсти были къ дамѣ Славѣ. Долго кокетствовала она со мною и измѣнила. Прошло время помышлять о женитѣбѣ и въ сей послѣдней боялся я равнаго счастія, какъ и на поприще военному. Можетъ быть, жена не столько бы напала меня негодными, какъ слава, но великихъ риска и я не хотѣль бы видѣть жену, стѣтующую, что не такъ легко пѣльнуть меня и, еще менѣе, владѣствовать возможно. Хорошо тебѣ съ сестрой разсуждать; вы въ молодости любили одинъ другаго страстно, женились въ лучшія лѣта; постепенно на старость запасались взаимною донѣренностью, дружбою; слили, можно сказать, вмѣстѣ бытіе ваше; а отъ меня чего вы требуете? Любить страстно

весьма опасаются, дабы холера не посѣтила Петербурга, а трусы, какъ зловѣщія птицы, уже разглашаютъ, что она есть въ Кронштадтѣ, будто изъ Любска завезенная. Я не выдаю сего за истину и тебя прошу не говорить, что я сбываю, ибо знаю, что стараются сокращать разглашенія.

Вообразю, сколько было бы тебѣ досадно еще одну зиму не быть въ Петербургѣ, чего, впрочемъ, слухнуть не можетъ, ибо если бы и была холера, до того времени она не можетъ продолжиться. А что до меня касается, я былъ бы въ восхищеніи, ибо не сомнѣваюсь я, что мнѣ продолжить мой отпускъ, въ чёмъ необходимо буду и имѣть подобность по случаю раздѣла имѣнія, который не можетъ имѣть скораго окончанія, когда я не прежде сентябрь поѣхалъ въ Орелъ, дабы пригласить людей, которые бы занялись принадѣніемъ въ изѣтность и раздѣломъ имущества. Недѣли двѣ пазадъ я послалъ прошеніе въ орловскую гражданскую палату, обѣ утверждены душой покойнаго отца и сдѣлалъ публикацію въ газетахъ о кончинѣ съ визовомъ кредиторовъ.

Между тѣмъ предварительно собираются нѣкоторыя нужныя сѣдѣнія. Жальбы будутъ, если ты уѣдешь въ Петербургъ и ежели долженъ я буду прибывать въ посредствѣ другихъ людей; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, я устранись и со стороны моей ни малѣшаго не будетъ вліянія. Какъ бы хотѣлось мнѣ скорѣе кончить сіе дѣло и быть свободными въ распоряженіяхъ. Не привыкъ я къ подобнымъ занятіямъ и всего менѣе прѣятствіи они съ близкайшими родными. Но какъ бы то ни было, я хорошо выполню мое предположеніе.

Прощай, привнес засвидѣтельствованіе совершилѣйшій моей прѣданности Екатеринѣ Васильевнѣ¹⁾. Будь здоровъ, благоолученъ. Душевно почтавшій Ермоловъ.

Что если бы могъ я исполнить сию минуту представившуюся мысль посѣтить тебя въ твоей деревнѣ. Мысль преблагородна! Но отѣзда твой въ Петербургъ, что съ нимъ дѣлать?

(Особая записка). Любезнѣйший братъ, Петръ Андреевичъ! Всегда о людяхъ хорошихъ способностяхъ и заслуживающихъ особенное твоё вниманіе, ты предупреждаешь меня письмами пріятельскими и заставляешь имѣть о таковыхъ понеченіе. Не такое извѣщеніе доставлено по Е...мъ, и я тебѣ зналъ, столько же знаю какое о нихъ имѣть понятие. Вѣрный Ермоловъ.

Сообщ. кн. П. Д. Волконскій.

¹⁾ Екатерина Васильевна Торсукова, мать жены П. А. Кикина. М. П.